

вѣсь и счастливое исключеніе изъ господствующихъ въ студенческихъ работахъ некритическихъ, чисто догматическихъ пріемовъ мышленія: мы должны, однако, въ виду возможной (и желательной) переработки сочиненія на степень, поставить автору на видъ нѣсколько замѣчаній, которыя и рекомендуемъ его вниманію.

I. Четвертый отдѣлъ сочиненія, не смотря на свои иногда блестящія подробности, на оригинальность и интересъ детальныхъ справокъ, по нашему мнѣнію, *въ его настоящей постановкѣ*, все же есть со стороны автора „ложный шагъ“. Авторъ доказываетъ здѣсь, что, такъ какъ „при настоящихъ средствахъ философскаго познанія, мы должны признать Божество непознаваемымъ“ (стр. 543—результатъ 2-го и 3-го отдѣловъ) и такъ какъ, съ другой стороны, замѣной методическаго знанія можетъ быть только однородное съ нимъ по существу художественное или интуитивное постиженіе истины (стр. 608, 629 и др.): то *пока*, впредь до установки началъ рациональной теологіи, мы должны въ области естественнаго богопознанія довольствоваться художническимъ чувствомъ религіозной *истины*, при чемъ, — что само собою понятно, — нашими руководителями въ дѣлѣ естественнаго богопознанія должны быть признаны художники и поэты (653, 661 и др.), которые, особенно въ настоящее время, фактически и оказываются въ этой роли. Не отрицая этого послѣдняго факта и вообще нѣкоторой доли истины въ приведенномъ тезисѣ, мы тѣмъ не менѣе признаемъ его одностороннимъ и право на раскрытіе его въ сочиненіи *въ такой формѣ* отрицаемъ. Основанія слѣдующія. Во первыхъ, этотъ тезисъ, какъ, вѣроятно, согласится каждый, звучитъ странно: поэты, не смотря на счастливыя исключенія, въ общемъ какъ извѣстно плохіе руководители въ религіи и, какъ ни усиливается авторъ доказать, что только *бездарные* поэты нерелигіозны и безнравственны, обратное, оспариваемое имъ мнѣніе (Гюйо), что для того, чтобы быть хорошимъ поэтомъ, мало имѣть дарованіе, а нужно еще быть человекомъ съ убѣжденіями и вѣрить (654), — это мнѣніе все-же останется вѣрнымъ и общепризнаннымъ. Во-вторыхъ, тезисъ автора въ этой формѣ не вполне гармонируетъ съ собственными началами его сочиненія: авторъ видитъ уже и въ настоящемъ состояніи философскаго знанія основаніе утверждать, что методически-философское богопознаніе по существу возможно и что философствующая мысль самыхъ различныхъ направленій „неудержимо тяготеетъ (уже!) къ признанію“ метафизическихъ предпосылокъ рациональной теологіи (стр. 554), а слѣдовательно косвенно —

и этой послѣдней. Но если такъ, зачѣмъ *пока* запрещать рациональную теологию и отсылать къ художникамъ? Если рациональная теология возможна уже и теперь, хотя и не въ полномъ своемъ объемѣ, хотя и въ переработкѣ съ точки зрѣнія новаго принципа (художническаго или интуитивнаго), тогда было бы со стороны автора гораздо большею заслугою и болѣе отвѣчало бы собственнымъ тенденціямъ сочиненія, вмѣсто запрета „въ настоящее время“ рациональной теологии, вмѣсто т. е. чисто скептическаго результата, дать собственный, хотя бы намѣченный лишь въ общихъ чертахъ, опытъ переработки этой науки и ея предпосылокъ съ точки зрѣнія новаго принципа. Это было бы косвеннымъ оправданіемъ и этого послѣдняго. Въ третьихъ, указанный тезисъ, въ его настоящей постановкѣ, въ сущности, не представляетъ ничего новаго: авторъ не первый его формулируетъ и не вноситъ въ него никакихъ самостоятельныхъ и существенныхъ поправокъ. Совершенно напротивъ, онъ пишетъ въ данномъ случаѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, деталей) въ общемъ довольно бездѣтный трактатъ, который не гармонируетъ съ глубокомысленными и крѣпко поставленными остальными частями сочиненія и при томъ, въ сущности, не смотря на всѣ свои оговорки и на свое знамя „критициста“, авторъ дѣлаетъ здѣсь некритическую уступку ворвавшемуся въ современную философію нездоровому влѣнію эстетическаго скептицизма. Въ виду всего этого, *мы настойчиво рекомендуемъ автору* переработать четвертый отдѣлъ въ указанномъ нами смыслѣ т. е., сконцентрировавъ свои разсужденія о гносеологической правоспособности художественныхъ или интуитивныхъ процессовъ мысли, *написать опытъ примѣненія этого принципа къ обоснованію* (въ общемъ хорошо установленныхъ имъ) *философскихъ предпосылокъ рациональной теологии* и резюмировать условное значеніе этой послѣдней въ дѣлѣ богопознанія. Тогда и только тогда, по нашему убѣжденію, солидное сочиненіе автора получить столь-же солидное и гармонирующее со всѣми остальными частями заключеніе.

„2. По нашему мнѣнію, авторъ очень неосторожно поступилъ, переимѣнивъ *предметную* точку зрѣнія, которой онъ держался въ первомъ отдѣлѣ, во 2-мъ и 3-мъ *на историческую*. Во первыхъ, этимъ нарушена стройность сочиненія, въ которомъ теперь оказался невыдержаннымъ основной приѣмъ изслѣдованія. Во вторыхъ, этимъ замѣтно осложнено дѣло, что, по нашему мнѣнію, повело косвенно и къ тому, что авторъ не успѣлъ выполнить всего сво-

его замысла: вѣдь нельзя написать мимоходомъ, по поводу спеціального богословско-философскаго вопроса цѣлой критической исторіи новой философіи. Если-бы даже авторъ и осилилъ этотъ трудъ, при широтѣ предмета и разнообразіи затрогиваемыхъ вопросовъ, въ немъ неизбѣжно оказалось бы много промаховъ (какъ и оказались отчасти даже въ тѣхъ немногихъ главахъ этихъ отдѣловъ, которые выполнены,—напр., толкованіе философіи Спенсера, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно). Въ виду всего этого, *рекомендуемъ автору*, отвеся выясненіе историко-философскихъ перспективъ въ примѣчанія или,—еще лучше,—въ конецъ сочиненія (въ формѣ приложений), *написать второй и третій отдѣлы сочиненія такъ-же, какъ и первый, предметно т. е. посвятить каждой гносеологической и метафизической предпосылкѣ рациональной теологіи отдельную главу*. Кромѣ стройности сочиненія, этимъ косвенно будетъ достигаться еще и другая не менѣе существенная выгода: авторъ убѣдится, что его недоувѣріе къ ресурсамъ современной гносеологіи и метафизики исходитъ не столько изъ самаго существа дѣла, сколько изъ раскрывшагося для него, *при чисто историческомъ изученіи вопроса*, противоборства различныхъ философскихъ школъ. Если авторъ найдетъ надежный уголъ зрѣнія на эти споры (хотя бы въ своемъ выставленномъ имъ въ 4-мъ отд. принципѣ), при которомъ оказалась бы возможность синтезировать выяснившіеся путемъ этихъ споровъ положительные результаты гносеологіи и метафизики; тогда тѣмъ самымъ была бы подготовлена почва и для вышеуказанной перестановки 4-го отдѣла.

„Само собою понятно, что предъявляя къ сочиненію г. Тихомирова изложенныя требованія, мы оцѣниваемъ его мѣркою повышенною или, точнѣе сказать, общелитературною. Это потому, что мы смотримъ на него не какъ на заурядную студенческую работу, а какъ на трудъ, который, если судить по его замыслу, по плодотворной и многообѣщающей постановкѣ, по обнаруженному въ немъ дарованію и его вполне научнымъ приѣмамъ, можетъ и въ нашей философской *литературѣ* занять солидное положеніе. Принимая во вниманіе эти свойства сочиненія, а такъ-же и то, что авторъ уже успѣлъ себя зарекомендовать и въ литературѣ,—не „семестровыми“ сочиненіями, какъ это вошло въ моду въ послѣднее время (моду, замѣтимъ, вовсе не заслуживающую похвалы и подражанія, такъ какъ „семестровыя“ сочиненія обыкновенно носятъ на себѣ замѣтные слѣды литературной неопытности и только роняютъ нашу духовную литературу), а солидными, нарочито со-

ставленными, критическими монографіями (о книгахъ г.г. Серебренникова и Дебольскаго), — принимая во вниманіе все это, мы не только признаемъ г. Тихомирова вполне заслуживающимъ кандидатской степени, но считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ рекомендовать его особенному вниманію Совѣта, какъ выдающуюся научную силу“.

Доцента Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Николая Успенскаго* на тему: „О мѣрахъ къ надлежащему обезпеченію приходскаго духовенства, предпринимавшихся со стороны правительства и общества съ 1764 г. по настоящее время“.

„Авторъ подлежащаго сочиненія сравнительно небольшого (I—XVI; 1—340) предначерталъ себѣ весьма широкую программу—обозрѣть всю массу законодательнаго и литературнаго матеріала по данному вопросу, критически отнестись къ ней и представить въ заключеніи свой проектъ. Для осуществленія этой задачи онъ не мало и потрудился, но въ результатѣ успѣлъ достигнуть слѣдующаго: 1) представить статистическія данныя относительно массы матеріала, имѣ собраннаго и просмотрѣннаго (напр. 12 отдѣльныхъ изданій, 179 разныхъ статей и статейекъ, 342 №№ указовъ полнаго собранія законовъ. Предисл. I, II). 2) выработать точную программу результатовъ своихъ работъ (стр. IX и до конца предисл.) и 3) выполнить изъ нея — по собственному его заявленію—лишь $\frac{1}{3}$ ея. Эта треть состоитъ изъ введенія (1—104) и главы 1-й о недвижимой собственности, подраздѣляющейся на отдѣлы (105—237 и 238—274) и заключеніе (276—340), т. е. точнѣе было бы сказать—трактата о недвижимой церковной собственности. Это введеніе и трактатъ и составляютъ подлежащее сочиненіе.

„Въ этой „трети“ своихъ изслѣдованій авторъ успѣлъ однакоже высказаться весьма опредѣленно въ своихъ свойствахъ: онъ дѣйствительно много поработалъ въ изученіи литературы своего предмета; весьма успѣшно ориентировался въ ней и сумѣлъ сдѣлать очень осторожный и вѣрный выводъ по вопросу о церковной собственности, какъ мѣрѣ обезпеченія духовенства. Треть его изслѣдованія въ сущности представляетъ законченное цѣлос. На этомъ основаніи признаю автора заслуживающимъ степени кандидата богословія и желаю ему также выполнить и остальные $\frac{2}{3}$ предначертанной программы, какъ выполнена первая треть“.

Экстраординарнаго профессора Ивана Кореунскаго о сочиненіи студента *Николая Христовуло*: „Св. Григорій Богословъ

въ его отношеніи къ греческой литературѣ классической древности“.

„Сочиненіе г. Христодуло о св. Григоріи Богословѣ предваряется краткимъ вступленіемъ (стр. 1—19), въ которомъ раскрывается важность предмета изслѣдованія, особенно въ виду возраженій противъ достоинства и вообще значенія классической литературы въ дѣлѣ образованія, съ опроверженіемъ этихъ возраженій въ общихъ чертахъ. За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ обширное введеніе, состоящее изъ двухъ главъ, изъ коихъ первая (стр. 19—79) имѣетъ задачу—представить „умственный міръ греческаго народа, разсматриваемый съ общей точки зрѣнія“, т. е. религію древней Греціи, ея социальное устройство, науки и искусства, послужившія основаніемъ всей культурной жизни христіанскихъ народовъ; а вторая (стр. 79—105) изображаетъ „отношеніе христіанства къ язычеству“, со стороны содержанія и со стороны возрѣвній представителей того и другаго на классическую литературу, при чемъ изъ представителей христіанства—сторонниковъ мысли о важности послѣдней въ дѣлѣ образованія (общаго) имѣются въ виду главнымъ образомъ св. Іустинъ Философъ, Климентъ Александрійскій и св. Василиій Великій. Послѣ такого введенія автору естественно было приступить и къ самому предмету изслѣдованія, такъ какъ св. Григорій Богословъ именно является однимъ изъ тѣхъ представителей христіанства, которые были горячими защитниками классическаго образованія. При этомъ г. Христодуло ближе всего предлагаетъ весьма обстоятельный очеркъ жизни и хода образованія св. Григорія Богослова (стр. 106—278), съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на раскрытіи значенія риторики въ дѣлѣ образованія вообще и образованія св. Григорія въ частности и на изображеніи Аѳинскаго періода его образованія. вмѣстѣ съ введеніемъ этотъ очеркъ у автора составляетъ I-ю часть всего изслѣдованія. Вторую же часть сего послѣдняго представляетъ собою разсужденіе, къ сожалѣнію не dokonченное и (въ томъ, что представлено авторомъ) состоящее изъ двухъ главъ, изъ коихъ первую св. Григорій Богословъ разсматривается, какъ ораторъ вообще и церковный въ особенности (стр. 279—346), съ присоединеніемъ къ сему характеристики его писемъ и поэзіи (стр. 346—361), а во второй изображается отношеніе св. Григорія къ Императору Юліану и особенно борьба его съ послѣднимъ (литературная) по вопросу о классическомъ образованіи (стр. 362—396), при чемъ св. Григорій прямо и выставляетъ себя сторонникомъ мысли о томъ,

что классическое образованіе должно быть принадлежностію и христіанъ, а не однихъ лишь язычниковъ, какъ того желалъ Юліанъ. Эта глава не докончена.

„Въ сочиненіи г. Христодуло замѣтна нѣкоторая торопливость работы, имѣвшая послѣдствіемъ своимъ, кромѣ недоконченности его, такіе недостатки, какъ отсутствіе выдержанности плана, повторенія и под., что въ особенности должно сказать о послѣднемъ (начиная съ 239 страницы) отдѣленіи біографическаго очерка св. Григорія, гдѣ идетъ рѣчь о классической литературѣ, какъ орудіи воспитанія (рѣчь объ этомъ умѣстнѣе было бы отнести къ вступительному отдѣлу всего изслѣдованія, въ началѣ его). Замѣчаются также по мѣстамъ неясности въ изложеніи мыслей (напр. стр. 6, 14, 28, 46, 67 и др.), шероховатости рѣчи и т. п., зависяшія впрочемъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что авторъ, природный грекъ, еще не вполне освоился съ русскимъ языкомъ. Но все эти и подобныя недостатки исчезаютъ предъ обиліемъ, твердостью и обстоятельностью мыслей автора о предметѣ изслѣдованія, предъ обширностію его знакомства съ литературою предмета, предъ самостоятельностью его работы, основательностію его соображеній о значеніи классической литературы въ дѣлѣ образованія, всестороннимъ и глубокимъ изученіемъ твореній св. Григорія Богослова (въ подлинномъ текстѣ) и соприкосновенныхъ съ вопросомъ о немъ твореній другихъ древнихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей, и т. д.

„Поэтому сочиненіе г. Христодуло заслуживаетъ признанія за его авторомъ степени кандидата богословія“.

Ректора Академіи Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Вячеслава Цвѣткова* на тему: „Лютеръ Вормскаго и Аугсбургскаго сеймовъ“.

„Задача означеннаго сочиненія—показать, какъ первоначальное ученіе Лютера видоизмѣнилось во всѣхъ своихъ существенныхъ пунктахъ во второй половинѣ его жизни и дѣятельности. Объемистый трудъ автора естественно распадается на двѣ части, при чемъ въ той и другой все догматическія, каноническія, пастырскія и общественно-государственныя идеи Лютера съ одинаковою подробностію излагаются и при томъ каждый разъ не въ видѣ механическаго перечня, а въ подчиненіи основному, по справедливому мнѣнію автора, убѣжденію Лютера о неспособности естественнаго человѣка къ добрымъ дѣламъ. Не смотря на это читатель не встрѣчаетъ однако утомительныхъ повтореній, но совершенно

неопровержимо убѣждается, что ученіе Лютера дѣйствительно видоизмѣнилось во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ положеніяхъ. Излагая воззрѣнія послѣдняго въ обоихъ періодахъ его жизни, авторъ не безъ успѣха старается освѣтить перемѣну однимъ общимъ принципомъ—поворотомъ отъ спиритуализма, крайняго либерализма въ религіи и подчиненія ея государству—къ номизму, дисциплинѣ и освобожденію дѣятельности іерархіи изъ подъ опеки правительства. Побужденіемъ къ такому отступленію Лютера отъ первоначальныхъ взглядовъ послужила по мнѣнію автора крайняя деморализація народа и религіозный индифферентизмъ общества и самыхъ пасторовъ, усыпившихъ совѣсть ученіемъ о вѣрѣ, спасающей человѣка помимо добрыхъ дѣлъ. Намъ думается, что объясняютъ причину внутренняго переворота въ жизни религіознаго мыслителя изъ однихъ только внѣшнихъ обстоятельствъ — значить поддаваться неискусному влиянію свѣтскихъ историковъ реформаціи Лютера. Послѣдній неоднократно ссылается на свой собственный внутренній опытъ, какъ на побужденіе къ перемѣнѣ религіозныхъ взглядовъ. Самъ авторъ приводитъ изреченія Лютера о томъ, напр., что вѣра, не поддерживаемая добродѣтелью, слабѣетъ и гибнетъ, что покаяніе возбуждается сознаніемъ своей грѣховности предъ закономъ десяти заповѣдей и т. п. Такимъ образомъ авторъ далеко не исчерпываетъ мотивовъ, обусловившихъ реакцію протестантизма на Аугсбургскомъ сеймѣ. — Вторымъ недостаткомъ его труда является то, что онъ приводитъ слова Лютера не всегда по полному, а часто изъ монографій русскихъ писателей или нѣмецкаго сочиненія Кёстлина; наконецъ онъ излагаетъ ученіе Лютера пассивно, никогда не указывая въ немъ ни внутреннихъ противорѣчій, ни ложныхъ толкованій Библии, а только противопоставляя первоначальные взгляды реформатора послѣдующимъ. За то надо съ несомнѣнностью признать, что это противопоставленіе ведется авторомъ мѣтко и обстоятельно, такъ что читатель съ полною убѣжденностью принимаетъ окончательный выводъ автора о реформаціи Лютера, какъ о носителницѣ „зерна самыхъ пагубныхъ доктринъ и явленій въ жизни, какъ религіозной, такъ и общественной“.

„Полученія степени кандидата богословія сочиненіе В. Цвѣткова вполне достойно“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Ивана Язвицкаго* на тему: „Нравственное ученіе св. Василія Великаго“.

„Вся работа г. Язвицкаго говоритъ о тщательномъ изученіи

твореній св. Василия Великаго (по русскому переводу). Ея страницы, правда, не поражаютъ читателя изобиліемъ цитатъ и параллелей изъ твореній св. отца; но, видимо, у автора было правило: приводить буквально и съ ссылками только классическія, наиважнѣйшія мѣста. Между тѣмъ почти на каждой страницѣ можно находить цѣлые ряды мыслей, не процитированныхъ и не буквально приведенныхъ, но, какъ оказывается на дѣлѣ, кратко перефразирующихъ святоотеческія разсужденія. Авторъ, такимъ образомъ, хотя и не выставляетъ на видъ своего изученія избраннаго имъ св. отца, однако оно должно быть признано весьма тщательнымъ и полнымъ. Конечно, если бы онъ при изученіи твореній св. Василия Великаго ознакомился съ церковно-исторической и патристической литературою о немъ и объ его эпохѣ, то это значительно повысило бы научную цѣнность его труда.

„Систему, какую авторъ призналъ наиболѣе подходящей для изложенія нравственнаго міровоззрѣнія св. Василия Великаго, нужно признать въ общемъ очень удачной, хотя и нельзя оставить безъ поправокъ. Такъ I-я глава II-й части, трактующая о „нравственномъ назначеніи человѣка въ христіанствѣ“ самостоятельнаго значенія имѣть не можетъ. Она должна бы быть соединена съ 1-й главой I-й части, гдѣ идетъ рѣчь о „нравственномъ назначеніи человѣка въ мірѣ“, ибо по ученію Василия Великаго и то и другое назначеніе совершенно тождественны. 5-я глава обѣихъ частей также съ удобствомъ могли бы быть соединены въ одну; иначе— автору приходится говорить часто объ одномъ и томъ-же. 4-й главѣ II-й части нужно бы дать нѣсколько иной заголовокъ, а именно: къ ея заголовку „средства къ борьбѣ съ врагами спасенія“ надо бы еще прибавить: „и къ возвышенію доброй нравственной настроенности“. Жаль, что авторъ оставилъ не выполненнымъ конца своей системы, т. е. не написалъ задуманныхъ имъ 6-й, 7-й и 8-й главъ; равно ощутителенъ недостатокъ нарочитой рѣчи о страстяхъ, умѣстной въ 3-й главѣ II-й части.— Во второй половинѣ 1-й главы I-й части авторъ приписываетъ св. Василию Великому то, чего не слѣдовало бы. Говоря о назначеніи человѣка, авторъ слова св. отца о томъ, что это назначеніе состоитъ между прочимъ и въ томъ, чтобы „небесное благоустройство изображать на землѣ“ (стр. 60) понимаетъ въ смыслѣ рѣчи о благоустройствѣ ангельскаго міра. Если бы авторъ привелъ себѣ на память тѣ многочисленныя мѣста изъ св. Василия Великаго, гдѣ онъ подъ понятіемъ *небо, небесный* разумѣетъ вообще порядокъ жизни истин-

ный, божественный, духовный, противопоставляя ее плотскому жизнеустроению (см. напр. IV, 143, 144; II, 228 (здѣсь прямо противопоставляются: Богъ и земное); III, 185, 249), тогда бы выясненіе цѣли назначенія человѣческаго существованія было бы чудно тѣхъ натянутостей, какія замѣчаются теперь.

„Что касается самого изложенія системы, то, конечно, здѣсь въ заслугу автору можно поставять не самое содержаніе, а умѣнье выбирать изъ св. отца и эти разрозненныя выборки соединять въ стройныя части единого цѣлаго. Благодаря своему знакомству съ твореніями св. Василія Великаго, авторъ выполнилъ обѣ эти задачи свои съ большимъ умѣньемъ. Онъ всегда умѣетъ подобрать изъ св. отца на нужную тему самую типичную, яркую тираду; не пропуститъ онъ и краткой мысли, даже однажды только встрѣчающейся у отца, если она дастъ матеріаль для системы. Особенное достоинство сочиненія Язвицкаго въ томъ, что онъ всю нить разсужденій во всей главѣ ведетъ мыслями св. отца. Это, конечно, зависѣло отъ тщательности изученія его твореній.

„Объемъ сочиненія—не великъ: 289 страницъ, но впечатлѣніе—полное и отчетливое. Этому помогаетъ серьезность рѣчи, не допускающей ненужныхъ разглагольствованій. Стиль ровный, спокойный и даже по мѣстамъ художественно-величавый. Авторъ полонъ искренняго похвальнаго увлеченія своимъ предметомъ.

„Вообще работа г. Язвицкаго должна быть признана вполне заслуживающей кандидатской степени“.

Ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго о сочиненіи студента *Федора Федорова* на тему: „Симонъ Азарьинъ, келарь Троицкаго монастыря въ половинѣ XVII вѣка“.

„Сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ: въ первой главѣ—биографическія свѣдѣнія о Симонѣ; во второй главѣ—обзоръ его сочиненій; въ третьей главѣ—характеристика его какъ писателя.

„Новыхъ свѣдѣній о Симонѣ авторъ не сообщаетъ и старыя свѣдѣнія излагаетъ не съ совершенною тщательностію; даваемый имъ обзоръ сочиненій Симона не можетъ быть признанъ вполне обстоятельнымъ, а представляемая имъ характеристика Симона какъ писателя не можетъ быть признана вполне удовлетворительною; наконецъ, и объ его литературномъ изложеніи не можетъ быть дано отзыва совѣтъ похвальнаго. Но авторъ, несомнѣнно, занимался своимъ дѣломъ съ полнымъ усердіемъ и стремился достигнуть всего для него возможнаго. Не признавая сочиненія совершенно удовлетворительнымъ, я нахожу однако, что г. Фе-

доровъ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за него степени кандидата“.

III. Внесенный Инспекторомъ Академіи, Архимандритомъ Григоріемъ списокъ студентовъ и вольнослушателей IV курса съ обозначеніемъ балловъ по поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе всѣхъ студентовъ и вольнослушателей IV курса обозначено балломъ 5.

IV. Прошенія студентовъ IV курса:

1. *Николая Цыганкова*: „По болѣзни я не могъ въ свое время выдержать двухъ экзаменовъ: по каноническому праву и еврейскому языку. Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дозволить мнѣ держать эти экзамены послѣ лѣтнихъ каникулъ. При семъ прилагаю медицинское свидѣтельство“.

2. *Андрея Постникова*: „Въ декабрѣ 1892 года я, чувствуя себя нездоровымъ, обращался за медицинской помощью къ академическому врачу. Онъ нашелъ у меня значительно развившуюся нервную слабость и совѣтовалъ прекратить на время учебныя занятія, предполагая, что продолжительный отдыхъ возстановитъ мои силы. Прошелъ мѣсяць, но улучшенія въ состояніи моего здоровья не послѣдовало: я чувствовалъ себя столь плохо, что не могъ и думать о возобновленіи прерванныхъ занятій—и съ дозволенія академическаго начальства, взялъ отпускъ впредь до выздоровленія. Въ отпускѣ я пробылъ болѣе трехъ мѣсяцевъ и за болѣзнію не могъ представить къ сроку свое сочиненіе, не могъ держать и курсовые экзамены. Почти въ томъ же состояніи здоровья я остаюсь и теперь и для своего поправленія я долженъ, по совѣту врача, воспользоваться каникулярнымъ временемъ. Такимъ образомъ я и во время каникулъ не могу приготовить къ подачѣ свое курсовое сочиненіе и подготовиться къ экзаменамъ. Поэтому я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи оставить меня на повторительный курсъ съ удержаніемъ за мной той стипендіи, которою я ранѣе пользовался.—При семъ прилагаю свидѣтельство академическаго врача о моей болѣзни“.

3. *Константина Торопова*: „По совѣту врача я въ половинѣ текущаго учебнаго года, вслѣдствіе нервного разстройства и общаго малокровія, долженъ былъ прекратить свои научныя занятія и не могъ, поэтому, написать кандидатскаго сочиненія и подготовиться къ сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ. И въ настоящее время я чувствую себя не вполне еще здоровымъ и не нахожу возможнымъ въ каникулярное время приготовить все то, чего не успѣлъ сдѣлать за половину учебнаго года, почему и прошу Совѣтъ Академіи оста-

вить меня еще на годъ на IV курсѣ. Удоставленіе академическаго врача о моей болѣзни прилагается при прошеніи“.

Справка: 1) §§ 132—140 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ, составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія. При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся. Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса. При окончаніи полнаго академическаго курса, студенты Академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента. Студенты Академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго успытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумѣ). Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени и представить новое сочиненіе. Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе, неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ оной, то, при соисканіи такими ли-

цами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія. Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата. 2) Студенты: Андрей Постниковъ, Константинъ Тороповъ, а равно и священникъ Евгений Мерцаловъ, заболѣвшій душевной болѣзью и отправленный по этому случаю въ декабрь мѣсяцъ минувшаго года въ одну изъ Московскихъ больницъ, не оставались на второй годъ ни въ одномъ курсѣ. 3) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій при сужденіи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Благопочтительнѣйше представить Его Преосвященству объ утвержденіи студентовъ IV курса: 1) Ильи Громогласова, Константина Сильченкова, Михаила Свѣтлаева, Василия Ремезова, 5) Сергѣя Казанскаго, Павла Тихомирова, священника Сергія Бѣльскаго, Николая Виноградова, Константина Соколова, 10) Николая Мошкова, Василия Смирнова, Василия Некрасова, Сергѣя Глаголевскаго, Никандра Тихомирова, 15) Николая Слезкина, Сергѣя Левитскаго, Ивана Язвицкаго, Николая Орлова и Николая Христодуло—въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія; 2) объ утвержденіи студентовъ: Василия Воздвиженскаго, Вячеслава Цвѣткова, Василия Покровскаго, Владиміра Попова, Михаила Магницкаго, 25) Димитрія Соколова, Николая Писаревскаго, Николая Матвѣева, Константина Демидова, Александра Красовскаго, 30) Николая Успенскаго, Василия Воскресенскаго, Александра Васильева, Михаила Владыкина, Кирилла Перевозникова, 35) Ѳедора Ѳедорова, Чедомиля Митровича и Петра Сурниова—въ степени кандидата богословія съ правомъ полученія степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ §§ 137 и 139 академическаго устава; 3) объ утвержденіи студентовъ: Петра Борисоглѣбскаго, Ивана Орловскаго, Николая Остроумова, Константина Субботина, Владиміра Троицкаго и Алексѣя Целебровскаго и вольныхъ слушателей: священника Алексѣя Смирнова и Николая Берсенева—въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи сочиненій, заслуживающихъ сей степени. 4) Сужденіе о студентѣ Н. Цыганковѣ отложить до начала слѣдующаго академическаго года 5) Студентовъ: священника Евгенія Мерца-

лова, Андрея Постникова. и Константина Торопова, не представившихъ кандидатскихъ сочиненій и не державшихъ экзаменовъ по предметамъ IV курса, оставить на повторительный курсъ, при чемъ студенту Постникову предоставить вмѣсто казенной стипендіи, которою онъ пользовался, частию одинаковаго размѣра, равно и студенту священнику Е. Мерцалову въ случаѣ его выздоровленія, а студенту К. Торопову предоставить содержаться на собственные средства.

V. Сданный Его Преосвященствомъ съ надписью: „1893 г. 21 Мая. Въ Совѣтъ Академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 декабря 1892 года за № 5119:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Преосвященства отъ 7 сего Декабря за № 566, въ коемъ ходатайствуете *объ утвержденіи исправляющаю должность ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи Петра Казанскаго и экстраординарнаго профессора той же Академіи протоіеря Дмитрія Касицына*, выслужившихъ въ должностяхъ штатныхъ преподавателей Академіи по 25 лѣтъ, *въ званіи заслуженныхъ профессоровъ*. Приказали: Исправляющаю должность ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи Петра Казанскаго и экстраординарнаго профессора той же Академіи протоіеря Дмитрія Касицына, выслужившихъ въ должностяхъ штатныхъ преподавателей Академіи по 25 лѣтъ, утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, въ званіи заслуженныхъ профессоровъ; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, Вашему Преосвященству послать указъ“.

Опредѣлили: Объ утвержденіи и. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго и экстраординарнаго профессора протоіеря Дмитрія Касицына въ званіи заслуженныхъ профессоровъ внести въ формулярные о службѣ ихъ списки.

VI. Сданный Его Преосвященствомъ съ надписью: „1893 г. 7 мая. Въ Совѣтъ Академіи“ указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4 мая сего года за № 1875:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 4 февраля сего года за № 59

журналъ Учебнаго Комитета, № 29, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію бывшаго студента С.-Петербургской Духовной Академіи Николая Преображенскаго, уволеннаго съ III курса оной въ 1891 году за предосудительное поведеніе, о разрѣшеніи ему поступить въ одну изъ Духовныхъ Академій для окончанія образованія и 2) отношеніе Преосвященнаго Тверскаго, отъ 26 марта 1893 года за № 85, съ отзывами Начальника Тверской губернии и исправляющаго должность благочиннаго Бѣжецкихъ церквей объ образѣ жизни и поведеніи Преображенскаго за время проживанія его, по увольненіи изъ Академіи, въ г. Бѣжецкѣ у своего отца—священника кладбищенской церкви Іоанна Преображенскаго. Приказали: Въ виду одобрительнаго отзыва Начальника Тверской губернии и исправляющаго должность благочиннаго Бѣжецкихъ церквей объ образѣ жизни, поведеніи и религіозно-нравственномъ настроеніи бывшаго студента С.-Петербургской Духовной Академіи Николая Преображенскаго и принимая во вниманіе искреннее раскаяніе Преображенскаго въ его заблужденія, а равно ручательство родителя Преображенскаго, священника Тверской епархіи, за благоповеденіе сына, Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи заключенія Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: *разрѣшить Совѣту Московской Духовной Академіи*, если по ближайшему его усмотрѣнію не встрѣтятся къ тому особыхъ препятствій, *принять Преображенскаго въ число студентовъ III курса Академіи*, съ подчиненіемъ его особо бдительному надзору академической инспекціи; о чемъ для зависящихъ распоряженій Вашему Преосвященству послать указъ, увѣдомивъ таковымъ же, для объявленія просителю, и Преосвященнаго Тверскаго“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

VII. Сданный Его Преосвященствомъ съ надписью. „1893 г. 21 мая. Совѣтъ Академіи предложилъ Тарѣеву прибыть ко мнѣ для необходимыхъ личныхъ объясненій. Настоящую бумагу, по объявленіи, возвратить мнѣ“ указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 14 мая сего года за № 2138:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Преосвященства, отъ 1 февраля сего года за № 1095, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи *объ утвержденіи преподавателя Псковской Духовной Семинаріи, кандидата богословія*,

Михаила Тарѣва въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Искушенія Богочеловѣка, какъ единый искупительный подвигъ всей земной жизни Христа, въ связи съ исторіею дохристіанскихъ религій и христіанской церкви“, Москва 1892 г. Приказали: Ваше Преосвященство доноситѣ Святѣйшему Синоду, что ректоръ Московской Духовной Академіи, Архимандритъ Антоній и доцентъ Митрофанъ Муретовъ, читавшіе сочиненіе кандидата Тарѣва, подъ заглавіемъ: „Искушенія Богочеловѣка, какъ единый искупительный подвигъ всей земной жизни Христа, въ связи съ исторіею дохристіанскихъ религій и христіанской церкви“ нашли это сочиненіе вполнѣ удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и автора его достойнымъ искомой имъ степени; на коллоквиумѣ Тарѣвъ предъ Совѣтомъ Академіи защищалъ свое сочиненіе, и Совѣтъ, признавъ защиту удовлетворительною, постановилъ ходатайствовать объ утвержденіи Тарѣва въ степени магистра богословія. Выслушавъ это допесеніе и разсмотрѣвъ сочиненіе Тарѣва, Святѣйшій Синодъ и съ своей стороны отдаетъ справедливость трудолюбію Тарѣва какъ въ составленіи этого сочиненія, такъ въ изученіи имъ памятниковъ древнихъ языческихъ религій и обширной древней и новѣйшей церковной литературы. Но въ тоже время, усматривая изъ заглавія сочиненія и отчасти изъ самаго его содержанія, что сужденія автора объ искупительномъ подвигѣ земной жизни Христа Спасителя не вполнѣ точно выражаютъ ученіе православной церкви и по своей неясности и неопредѣленности могутъ породить въ читателяхъ книги Тарѣва недоумѣнные вопросы, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Вашему Преосвященству: 1) *предложить Тарѣву заглавіе сочиненія измѣнить, самое сочиненіе тщательно, при руководствѣ Слова Божія и святоотеческихъ писаній, пересмотрѣть, особливо въ тѣхъ ея частяхъ, которыя имѣютъ ближайшую связь съ нынѣшнимъ ея заглавіемъ и по исправленіи вновь представить на разсмотрѣніе Совѣта Академіи.* 2) О имѣющемъ за тѣмъ послѣдовать постановленіи академическаго Совѣта донести въ свое время Святѣйшему Синоду. О чемъ для зависящихъ распоряженій и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода и резолюціи Его Преосвященства сообщены преподавателю Псковской Духовной Семинаріи Михаилу Тарѣву.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VIII. Полученную изъ Учрежденнаго Собора Троице-Сергіевой Лавры копію съ указа Святѣйшаго Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Александра, Епископа Дмитровскаго отъ 14 мая сего года за № 2102:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Преосвященства, отъ 30 минувшаго Апрѣля за № 3850, по ходатайству Ректора Московской Духовной Академіи Архимандрита Антонія *о возведеніи помощника бібліотекаря Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, Іеромонаха Рафаила въ санъ Архимандрита*, во вниманіе къ его 35-лѣтней службѣ въ званіи іеромонаха и усердному священнослуженію въ академической церкви болѣе 20 лѣтъ. Приказали: На основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: помощника бібліотекаря Московской Духовной Академіи кандидата богословія іеромонаха Рафаила во вниманіе къ 35-лѣтней службѣ въ званіи іеромонаха и усердному священнослуженію въ академической церкви болѣе 20 лѣтъ, *перемѣстить въ число братства Свято-Троицкой Сергіевой Лавры съ назначеніемъ членомъ учрежденнаго собора сей Лавры и съ возведеніемъ въ санъ архимандрита*; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: Іеромонахъ Рафаилъ, согласно указу Святѣйшаго Синода, возведенъ въ санъ архимандрита Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Тихономъ, Епископомъ Можайскимъ, при служеніи его въ домовою церкви на Саввиномъ подворьѣ 25 мая сего года.

Опредѣлили: О перемѣщеніи Іеромонаха Рафаила въ число братства Троице-Сергіевой Лавры съ назначеніемъ членомъ учрежденнаго собора Лавры и возведеніемъ его въ санъ архимандрита внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

IX. Резолюцію Его Преосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 1 мая сего года: „1893 г. 14 мая. Утверждается“.

Справка: 1) Въ ст. II и V означеннаго журнала было изложено ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Преосвященствомъ объ утвержденіи доцентовъ Александра Шостыина и Александра Голубцова въ должностяхъ лекторовъ — перваго — англійскаго языка, а втораго — французскаго языка. 2) Въ ст. XII того же журнала было изложено ходатайство Совѣта предъ Его Преосвященствомъ о разрѣшеніи экстраординарному про-

фессору Василю Соколову занять освободившуюся вслѣдствіе выхода изъ Академіи профессора протоіерея Д. Касицына каѳедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій.

Опредѣлили: Объ утвержденіи А. Шостыгина и А. Голубцова въ должностяхъ лекторовъ новыхъ языковъ сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій, а о послѣдовавшемъ разрѣшеніи э.-ординарному профессору В. Соколову занять каѳедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій внести въ его формулярный списокъ.

X. Предложеніе О. Ректора Академіи, Архимандрита Антонія:

„По случаю перемѣщенія Архимандрита Рафаила въ число братства Троице-Сергіевой Лавры въ Академіи состоитъ вакантною должность помощника библіотекаря. Честь имѣю предложить Совѣту Академіи войти въ разсужденіе о замѣщеніи означенной должности; при этомъ считаю долгомъ заявить, что библіотекарь Академіи Николай Колосовъ просилъ о назначеніи на эту должность нынѣ окончившаго курсъ Николая Писаревского, показавшаго свою опытность въ библіотечномъ дѣлѣ при занятіяхъ въ библіотекѣ во время лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ“.

Справка: По § 81 лит. б, п. 4. устава духовныхъ Академій избраніе кандидатовъ на должность помощника библіотекаря Академіи значится въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ объ утвержденіи нынѣ окончившаго курсъ въ Академіи Николая Писаревского въ должности помощника библіотекаря и, въ случаѣ утвержденія, начать производство ему содержанія съ 1 іюля.

XI. Предложеніе О. Ректора Академіи:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи избрать кого либо изъ нынѣ окончившихъ курсъ студентовъ для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ въ Академіи“.

Справка: 1) §§ 54—56 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, окончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на каждого. По истеченіи года они представляютъ отчетъ Совѣту въ своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опре-

дѣляемы на соотвѣтственные ихъ приготовленію каедръ въ Академіи или семинаріяхъ“. 2) По § 81 лит. б. п. 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каедръ въ оной и назначеніе имъ содерженія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Оставить для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ въ Академіи въ будущемъ учебномъ году нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи Илью Громогласова и Константина Сильченкова съ производствомъ имъ содержанія по 700 р. каждому за вычетомъ 2% на пенсіи. Мнѣніе сіе благопочтительнѣйше представить на усмотрѣніе Его Преосвященства.

XII. Заявленія стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: Василя Некрасова, Николая Орлова, Василя Воздвиженскаго, Василя Воскресенскаго, Михаила Владыкина, Кирилла Перевозникова, Ѳедора Ѳедорова, Петра Суринова, Петра Борисоглѣбскаго, Владиміра Троицкаго и Николая Цыганкова о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

XII. Прошеніе оставленнаго въ прошломъ учебномъ году для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ кандидата Павла Борисовскаго,

„Такъ какъ въ настоящее время при Академіи не имѣется вакантной каедръ, то покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, на основаніи § 56 устава духовныхъ академіи, ходатайствовать о назначеніи меня на должность преподавателя въ какую либо изъ центральныхъ семинарій по предметамъ богословскимъ или философскимъ“.

Справка: 1) По § 49 устава духовныхъ семинарій: „Помощники инспектора опредѣляются на должности въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода по докладамъ учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ; изъ нихъ лица, имѣющія священный санъ, опредѣляются, перемѣщаются изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое и увольняются отъ службы Святѣйшимъ Синодомъ“. 2) По § 56 того же устава: „Преподаватели семинарій опредѣляются на должности, въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ учебнаго Комитета; изъ нихъ лица, имѣющія священный санъ опредѣляются на сіи должности, перемѣщаются изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое и увольняются отъ службы

Святѣйшимъ Синодомъ“. 3). По § 61 устава духовныхъ училищъ: „Учители духовныхъ училищъ опредѣляются (за исключеніемъ учителей русскаго языка I класса) въ теченіе сего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ учебнаго Комитета; изъ нихъ лица, имѣющія священнѣйшій санъ, опредѣляются на сіи должности, перемѣщаются изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое и увольняются отъ службы Святѣйшимъ Синодомъ“. 4) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 3 марта—11 апрѣля 1892 года за № 590 предписано Совѣтомъ Академіи, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священнѣйшій санъ, а въ учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студентовъ, какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи и в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ 25—27 апрѣля 1884 г. и 27 января—17 февраля 1888 г., свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ, и чтобы по сообщеніи Святѣйшему Синоду и учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса, заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя консисторіи“.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Преосвященства предъ Его Высокопревосходительствомъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи окончившаго курсъ въ минувшемъ учебномъ году и оставленнаго при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ Павла Борисовскаго на преподавательскую должность въ какую либо изъ центральныхъ семинарій по предметамъ богословскимъ или философскимъ. 2) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата и званіи дѣйст-

вительнаго студента доставить въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ имѣющихъ священный санъ, а въ учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ сообщить еписки о всѣхъ прочихъ студентахъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отгѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, и в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 25—27 апрѣля 1884 г. и 27 января—17 февраля 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѣдру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ.

3) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ Епархіальное вѣдомство, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить документы ихъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

XIV. Отчетъ о годичныхъ занятіяхъ профессорскаго стипендіата Павла Борисовскаго:

„Въ теченіи отчетнаго учебнаго года я частію занимался изученіемъ литературы по философской морали и Нравственному Богословію, частію работалъ по составленію своей магистерской диссертациі.

„1. Въ общемъ теченіи современной общественной жизни легко усмотрѣть, какъ особенно замѣтный фактъ, усиленія въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ интереса къ вопросамъ религіи, этики и философіи. Было время (60—70 г.), когда общественныя симпатіи были почти всецѣло на сторонѣ естествознанія и позитивной философіи, когда, подъ вліяніемъ успѣха наукъ положительныхъ, интеллигентная мысль расположена была игнорировать религію, отрицать метафизику, не затрогивать нравственныхъ основъ жизни ¹⁾, и все упованія возлагать лишь на улучшеніе внѣшняго быта, на соціальныя реформы и практическое примѣненіе естествонаучныхъ познаній. Но какъ бы то ни было, увлеченіе позитивными науками и внѣшней культурой не могло совершенно за-

¹⁾ См. *Кавелина*: „Задачи этики“. СПб. 1887, стр. 1.

глушить важнѣйшихъ запросовъ человѣческаго духа. Потребность религіи, морали, философскихъ изслѣдованій—фактъ самъ по себѣ *неискоренимый* въ человѣческой природѣ. Значить, и при всѣхъ внѣшнихъ удобствахъ существованія человѣкъ не могъ находить себѣ полного удовлетворенія. При томъ-же, внѣшняя культура, скрашивая по-немногу недостатки общественнаго быта, безсилна была сообщить человѣку *душевный* міръ, подавить *нравственное* зло, уничтожить *внутреннія* страданія и скорби. Это есть дѣло религіи и высшихъ идеальныхъ убѣжденій, о которыхъ естествознание не говоритъ.

„Кромѣ того, внѣшняя культура, хотя и содѣйствовала во многомъ улучшенію народнаго благосостоянія, однако неизбѣжно породила собою въ обществѣ не мало и видимыхъ недостатковъ (напр. увлеченіе одною внѣшнею стороною жизни, усиленіе промышленнаго производства и слабость литературной продуктивности, напряженное исканіе земныхъ удовольствій и т. д.). Эти недостатки нерѣдко бичуются и въ современной литературѣ.

„Все это и вызвало въ современномъ обществѣ новое умственное теченіе, новую жизненную струю. Мы говоримъ именно о тѣхъ морально-религіозныхъ и философскихъ интересахъ, которыми такъ заняты теперь умы интеллигенціи. Послѣдовало значительное охлажденіе къ внѣшнимъ усовершенствованіямъ жизни и, вмѣстѣ съ этимъ, люди стали искать себѣ покоя и спасенія отъ золъ и скорбей въ себѣ самихъ, въ чистыхъ идеалахъ, въ тайныхъ и святыхъ влеченіяхъ духа. Недовольство жизнью, исканіе въ ней *высшаго* смысла и *разумной цѣли* существованія, стремленіе составить себѣ правильное философское міровоззрѣніе — таковы весьма типичныя черты, которыя съ замѣтною отчетливостію стали отражаться въ общественныхъ идеалахъ нашего времени.

„Особенно характерную черту въ этомъ философскомъ движеніи составляетъ то, что изслѣдованія и споры вращаются по преимуществу въ области *морали*. Недовѣріе къ позитивному знанію и къ однимъ чисто внѣшнимъ реформамъ, сознаніе ихъ *недостаточности* для достиженія общественнаго благополучія — привели къ мысли о необходимости кореннаго, духовнаго перерожденія общества, къ улучшенію *нравовъ*, и только здѣсь искать основной базисъ общественнаго благоденствія и внутренняго мира. Потому то взоры интеллигентной среды и устремлены въ сферу морали. Такое увлеченіе вопросами нравственности въ короткое время создало уже значительную литературу по этикѣ. Послѣднія произве-

денія нашихъ современныхъ философовъ большею частію относятся къ области морали. Повременныя изданія (свѣтскія и духовныя) все чаще и чаще помѣщаютъ на своихъ страницахъ статьи, посвященныя рѣшенію тѣхъ или другихъ этическихъ проблеммъ, или изслѣдованію явленій нравственной жизни. Одиия Л. П. Толстой послѣдними своими произведеніями, относящимися преимущественно къ области нравоученія и нравственной философіи, вызвалъ не малую литературу по этикѣ. Не легко было бы, пожалуй, перечислить всѣхъ авторовъ, писавшихъ и продолжающихъ писать по поводу послѣднихъ, этическихъ произведеній графа. Его нравственную философію и нравоучительныя правила разбирали съ разныхъ сторонъ и въ различномъ духѣ и направленіи: архіеп. Никаноръ, архим. Антоній, проф. Гусевъ, А. Бьялевъ, Остроумовъ, Орфано, Волковъ, Рождественскій, Солмертинскій, Буткевичъ, Н. Гротъ, Козловъ, Астафьевъ, Цертелевъ, Громеки, Волянскій, Оболенскій, Страховъ и мн. др.

„Важно здѣсь отмѣтить въ особенности то, что морально-философскій интересъ нашихъ дней съ особеннымъ вниманіемъ остановился на изслѣдованіи нравственно-религіознаго *христіанскаго* міровоззрѣнія. Отъ внѣшнихъ, научныхъ и соціальныхъ, усовершенствованій общественное сознаніе сдѣлало замѣтный уклонъ въ сферу морали, въ сферу *духовнаго* усовершенствованія. А отсюда оставался одинъ и самый короткій шагъ до *христіанской* этики, такъ какъ, по сознанію почти всѣхъ теоретиковъ и практиковъ, *нѣтъ морали выше христіанской* ¹⁾). Здѣсь то именно, въ христіанской нравственности, въ жизненномъ дѣйствіи христіанскаго идеала стали усматривать и люди нашего времени самый существенный, важнѣйшій залогъ личнаго и общественнаго блага. Нашли, что не столько во внѣшне—культурномъ облагороженіи жизни кроется это благо, сколько въ высотѣ личнаго духа, въ свитыхъ, животрепещущихъ порывахъ христіански настроеннаго чувства. Вотъ почему вопросы именно изъ *христіанской* этики составляютъ такой живой интересъ для нашего времени и разрабатываются съ такимъ увлеченіемъ. Все литературно-философское движеніе, созданное Л. Толстымъ, видимо окрашивается этикохристіанскимъ элементомъ въ томъ смыслѣ, что изъ этой именно области онъ, а равно его сотрудники и критики преимущественно берутъ предметы для изслѣдованія.

¹⁾ См. напр. Кавелина. Вышеуказ. соч., стр. 52. Ср. стр. 115.

„Отсюда ясно открываются и тѣ широкія задачи, которыя само время ставитъ для науки *Нравственнаго Богословія*. Очевидно, общество томится ожиданіемъ духовнаго просвѣтленія. Интеллигентная мысль тревожно ищетъ разъясненія христіанской этики. Поэтому наукѣ Нравственнаго Богословія предстоитъ—точно обозначить и формулировать принципы христіанской нравственности, разъяснить ихъ, съ возможною полнотой и обстоятельностью, на основаніи точныхъ данныхъ *внутренняго*, психологическаго опыта, показать превосходство христіанской морали предъ всеми другими, древними и новыми, этическими системами, раскрыть ея внутреннія основы (связь съ христіанской Догматикой) и выяснитъ ея плодотворное значеніе для жизни личной и общественной. Здѣсь требуется не столько систематическая классификація христіанскихъ обязанностей, или подробный перечень *правилъ* жизни, требуемыхъ христіанскою нравственностію, сколько *общій* философскій обзоръ ея, проникновеніе въ самое *существо* нравственнаго христіанскаго идеала и во внутреннее отношеніе его какъ ко всей человѣческой исторіи вообще, такъ и къ жизни индивидуальной въ частности, показаніе его вѣчнаго универсальнаго смысла и жизненной дѣйственности, утвержденіе его на незыблемой почвѣ Христіанскаго Откровенія, церковнаго преданія, искренней совѣсти и аскетическаго опыта.

„Обращаясь теперь ближе къ существующей у насъ литературѣ по Нравственному Богословію, мы находимъ, что она мало удовлетворяетъ вышеуказанной цѣли. Прежде всего, она не такъ *обильна*, какъ бы того хотѣлось. Если и вообще наша богословская наука въ своемъ развитіи еще оставляетъ желать очень многого, то въ особенности это нужно сказать по отношенію къ Нравственному Богословію, за научную разработку котораго до сихъ поръ берутся весьма немногіе. Причина этого явленія отчасти кроется въ очень распространенномъ, хотя не совсѣмъ справедливымъ мнѣніи, будто наука Нравственнаго Богословія есть *прикладная* къ Догматическому, составляетъ простой выводъ изъ него, относится къ нему, какъ *слѣдствіе* къ своему *основанію*. Прямой выводъ изъ этой мысли тотъ, что, значитъ, Нравственное Богословіе есть второстепенная и не очень содержательная наука. Это, думаютъ, въ болѣе своей долѣ есть лишь кодексъ нравственныхъ предписаній, простая, хотя быть можетъ, и подробная, хотя и систематическая регламентація этическихъ положеній христіанскаго ученія, метафизическая основа которыхъ раскрыта уже въ христіанской Догматикѣ.

„Здѣсь не мѣсто разсматривать подробно вопросъ о взаимномъ отношеніи между Богословіемъ Догматическимъ и Нравственнымъ. Достаточно нѣсколькихъ словъ. Обѣ эти науки относятся одна къ другой не какъ слѣдствіе къ своему основанію, а существуютъ *рядомъ и совместно*, оказывая другъ другу взаимныя, *одинаково важныя* услуги. Онѣ нераздѣлимы *всечѣло*, какъ едино въ себѣ и самое христіанство. Предметы обѣихъ наукъ незамѣтно переходятъ другъ въ друга и взаимно переплетаются. Это только научная богословская классификація, да и то болѣе по чисто практическимъ, можетъ быть, соображеніямъ слишкомъ уже точно размежевала область двухъ означенныхъ богословскихъ дисциплинъ. Въ дѣйствительности же онѣ идутъ навстрѣчу другъ другу и возвышаются до органическаго единства, все равно какъ умъ и сердце постоянно вліяютъ другъ на друга и составляютъ единое существо человѣческаго духа. Эти науки составляютъ одно *христіанское богословіе* и исчерпываютъ собою все основное содержаніе христіанства. А это послѣднее есть вмѣстѣ — и путь, и истина, и жизнь. Здѣсь все въ гармоническомъ единствѣ и тѣсной связи: высшія цѣли и лучшія средства, убѣжденія ума и святые порывы сердца, ученіе и дѣятельность. Христіанство не есть *раздѣльности* догма и правоученіе, а то и другое вмѣстѣ, неразрывно, непосредственно. А посему и обѣ науки — о христіанской догмѣ и морали — не могутъ стоять совершенно особнякомъ. Отдѣлять Нравственное Богословіе отъ Догматическаго значитъ — искусственно разрывать то, что дано заразъ и связано неразрывно. Это значитъ отнимать у цѣлостнаго и *живаго* организма его внутреннюю жизненность и оставлять только внѣшнія его очертанія. И точно, христіанскій нравственный элементъ всецѣло проникаетъ христіанскую догму, отъ первыхъ ея положеній до послѣднихъ, и придаетъ ей вполнѣ этическую окраску. Все христіанское вѣроученіе (о твореніи міра, идея спасенія, догматы: воплощенія, искупленія, будущей жизни и т. д.) видимо носитъ на себѣ этический отпечатокъ. Да и свѣщ. Писаніе выводитъ христіанскую догму изъ этическихъ понятій, утверждаетъ на моральной почвѣ ¹⁾. Значитъ, догма и мораль — одно цѣлое, гдѣ нѣтъ предыдущаго и послѣдующаго, перваго и втораго, такъ какъ и въ дѣйствительности метафизическіе законы *существованія* суть вмѣстѣ и этическіе законы *жизни*, и въ

¹⁾ См. напр. Іоан. III, 14—16; 17, 23—26; Лк. 15. 11—32; 1 Іоан. 4, 7—1; Мѣ. 18, 11—14 и мн. др.

вышемъ синтезѣ бытія абсолютнаго тѣ и другіе совершенно совпадаютъ и объединяются. Посему нельзя Нравственное Богословіе считать лишь *прикладной* наукой къ Догматическому, простымъ выводомъ изъ нея. Обѣ науки *проникаютъ* и пополняютъ одна другую. „Вѣроученіе“, пишетъ еп. Теофанъ, „всегда впадалось въ ненужныя отступленія и утонченности, когда не держалось нравственныхъ цѣлей; а правоученіе принимало недолжныя направленія, когда не освѣщалось вѣроученіемъ“ ¹⁾. Значить, одно раскрывается посредствомъ другаго: если христіанскіе догматы служатъ опорой христіанской морали, то, и на оборотъ, изслѣдованіе нравственныхъ началъ жизни проливаетъ яркій свѣтъ на содержаніе самихъ догматовъ. Если бы глубже изучать высшіе законы духа, то, можетъ быть, многое лучше и легче уяснилось бы изъ самой области христіанскаго вѣроученія. Вотъ почему потребно болѣе основательное знакомство съ предметомъ нравственной науки, т. е. съ этическими началами человѣческаго существа. Это подготовило бы возможность создать не положительную, не метафизическую, а „этическую“ Догматику. Разумѣю подъ этимъ терминомъ опытъ и построенія христіанскихъ догматовъ на почвѣ христіанской морали или нравственныхъ законовъ духа ²⁾. Здѣсь уже не догматическое Богословіе было бы основой Нравственнаго, а наоборотъ—это послѣднее дало бы въ опредѣленіи глубочайшихъ нравственныхъ принциповъ духа твердую, незыблемую почву для утвержденія, раскрытія и обоснованія христіанскихъ догматическихъ положеній. Св. Григорій Богословъ пишетъ: „все любомудріе раздѣляется на двѣ части, на умозрительную и дѣятельную, изъ коихъ первая выше, но труднѣе къ уразумѣнію, а другая ниже, но полезнѣе. У насъ обѣ онѣ одна другой *способствуютъ*. Умозрѣніе служитъ намъ спутникомъ къ горнему, а дѣятельность—*восхожденіемъ къ умозрѣнію: ибо невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро*“ ³⁾. Итакъ сначала—усвоеніе нравственныхъ принциповъ, а потомъ уже, на основаніи ихъ, и догматическое умозрѣніе. При такомъ взглядѣ на отношеніе христіанской морали къ Догматическому Богословію,

¹⁾ *Еп. Теофанъ*: „Начертаніе христіанскаго правоученія“. Москва. 1891 г. стр. 7.

²⁾ Возможность такого построенія оправдывается тѣмъ, что не только на западѣ, но и у насъ, въ богословской наукѣ, оно имѣетъ уже свои образцы. Таково напр. сочиненіе А. Д. Бѣляева: „Любовь Божественная“.

³⁾ Творенія св. Григ. Б. въ рус. пер., изд. 3, ч. I, стр. 135.

предметъ первой, очевидно, возвышается въ своемъ внутреннемъ значеніи, пріобрѣтаетъ глубокой научный интересъ.

„Но есть и другіе, чисто внутренніе, *психологическіе* мотивы, по которымъ немногіе любители христіанскаго богословія устремляются съ научною цѣлю въ область христіанской нравственности. Именно, для разработки науки Нравственнаго Богословія требуется нѣкоторая этическая духовная *правоспособность*. Замѣтимъ, что здѣсь человѣкъ изслѣдуетъ и опредѣляетъ законы жизни *духовной*. Посему, чтобы не ошибиться въ своихъ заключеніяхъ, онъ самъ, очевидно, прежде всего долженъ ощутить самыя разнообразныя и тонкія вибраціи человѣческаго сердца, проникнуть въ святое святыхъ свѣтлаго христіанскаго настроенія; вообще долженъ обладать самымъ широкимъ богатствомъ этического опыта. А это, какъ извѣстно, достигается не скоро и не легко. Да и самый процессъ разслѣдованія этическихъ законовъ необходимо является *нравственнымъ испытаніемъ и педагогической школой* для самого духа, здѣсь человѣкъ ставитъ на карту личные помыслы и порывы собственнаго чувства, и ихъ-то прежде всего предастъ суду нравственнаго идеала. А вѣдь, какъ извѣстно, очень тяжело произносить жестокое сужденіе о собственныхъ душевныхъ влеченіяхъ, анатомировать себя самого острымъ скальпелемъ великодушнаго, искренняго, безпристрастнаго этического анализа.

„Таковы главнѣйшія, объективныя и субъективныя, причины, по которымъ наука христіанской этики ушла впередъ пока весьма еще не далеко. Обращаясь, затѣмъ, къ самому *внутреннему характеру и достоинству* существующей у насъ литературы по Нравственному Богословію, нужно сказать, что мы имѣемъ больше книгъ, статей и брошюръ, предназначенныхъ для *назидательнаго чтенія*, чѣмъ сочиненій, посвященныхъ *научному* изслѣдованію вопросовъ означенной науки. Есть, правда, и курсы Нравственнаго Богословія. Но они, за нѣкоторыми исключеніями, представляютъ собою лишь простое изложеніе положительнаго, откровеннаго нравоученія, безъ достаточнаго его анализа и обоснованія. Въ нихъ много пунктуаций, раздѣленій и подраздѣленій, но мало широкихъ этическихъ *обобщеній*. Они преимуществуютъ въ отношеніи *внѣшнихъ* пріемовъ изслѣдованія, въ отношеніи послѣдовательности въ изложеніи своего предмета, вѣрной разъ намѣченному плану. Но въ нихъ мало такого, что отличалось бы жизненностію и широтою изслѣдованія. Не всегда извѣстный вопросъ исчерпывается до конца. Иные трактаты представляютъ собою

лишь краткую, неразработанную схему, тогда какъ требовалось бы болѣе всестороннее, болѣе проникающее и болѣе подробное раскрытіе предмета. Нѣкоторые вопросы, волнующіе отчасти и современное общество, не разрѣшаются съ надлежащею отчетливостію, а иные и совсѣмъ не ставятся. По мѣстамъ христіанская истина не выясняется всецѣло. Такъ въ нѣкоторыхъ системахъ христіанскаго нравоученія трактуется о томъ, что за добродѣтель человѣкъ награждается и временнымъ благополучіемъ. Но при этомъ не дѣлается сопоставленія, — а оно совершенно нужно, — съ яснымъ ученіемъ Слова Божія объ *узкомъ* пути, ведущемъ въ царство небесное, о скорбяхъ, лишеніяхъ, гоненіяхъ, презрѣніи и ненависти отъ другихъ, какія неизбѣжно ожидаютъ на этомъ пути истиннаго послѣдователя Христова ¹⁾. Иногда стараются доказать, что „какъ пріобрѣтеніе, такъ и правильное пользованіе богатствомъ нисколько не предосудительно для человѣка съ христіанской точки зрѣнія“. И при этомъ ссылаются на притчи о талантахъ и минахъ (гдѣ разумѣются, конечно, дары *духовныя*), а также на слова Закхея (которыми онъ далъ обѣтъ предъ І. Христомъ *раздать* свое имѣніе, худо пріобрѣтенное) ²⁾. Но тутъ неволью возникаетъ недоумѣніе: какъ въ такомъ случаѣ понимать прямую заповѣдь Господа — *не собирать* сокровищъ на землѣ, и ясное ученіе Его о невозможности служить двумъ господамъ, о трудности войти въ царствіе Божіе при обладаніи богатствомъ и т. п. ³⁾. Это недоумѣніе также не разъясняется вполне опредѣленно. Иногда, впрочемъ, разсуждаютъ о невыгодныхъ для духовной жизни сторонахъ пользованія земными благами. Но вслѣдъ же за тѣмъ говорятъ и о „нуждѣ пріобрѣтать земныя блага“. Иногда проповѣдуется о *дозволительности* внѣшнихъ удовольствій, и только предупреждается о строгомъ ихъ выборѣ. Но при этомъ забываютъ сопоставить и примирить эти мысли съ многочисленными мѣстами свящ. Писанія, гдѣ заповѣдуется христіанину *препоясать чресла ума своею и бодрствовать*, молиться *во всякое время духомъ*, радоваться всегда о *Господѣ* и размышлять только объ *истинномъ и о святомъ*, исполняться Духомъ, всегда преуспѣвать въ дѣлѣ Господнемъ, облечься въ смиренномудріе, все испытывать и дер

¹⁾ Мѡ. VI, 14; Іоан XV, 18—20; 2 Тим. III, 12 и др.; ср. 1 Кор. IV, 9—13.

²⁾ Мѡ. XXV, 14—30; Лк. XIX, 12—26, 8. 9.

³⁾ Мѡ. VI, 19—34; XIX, 20—24; ср. Мѡ. XIII, 44 46 и др.

жаться только *доброю*, *ничему* не подчиняться изъ всего позволеннаго и т. д. ¹⁾).

„Главный же недостатокъ нашихъ нравоучительныхъ системъ, отъ котораго другіе, можетъ быть, и происходятъ въ большей или меньшей степени, это—весьма ограниченное пользованіе данными *внутренняго, духовнаго* опыта, слабость этического проразумѣнія. Отвѣты на извѣстныя этическія проблемы заимствуются изъ разныхъ научныхъ теорій и принятыхъ моральныхъ воззрѣній. Потому-то такая дробность предметовъ изслѣдованія, и недостатокъ *духовности* въ содержаніи. Мало свидѣтельствъ внутренняго чувства. Вообще нѣтъ „христіанской Психологіи“, какъ выражается преосв. Теофанъ ²⁾. И если показанія ея слабы въ духовномъ опытѣ *отдѣльнаго* лица, то можно бы усвоить ее, по писаніямъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ. А ими то пользуются при начертаніи христіанскаго нравоученія въ очень скромныхъ размѣрахъ.

„Не смотря на обиліе пунктуаций и подраздѣленій, въ системахъ христіанскаго нравоученія нѣтъ и надлежащей *полноты* содержанія, нѣтъ болѣе или менѣе *всесторонняго* обслѣдованія этико-христіанской области. Если касаются съ излишней иногда подробностію *отдѣльныхъ, частныхъ* вопросовъ этики, то не всегда ставятъ и разрѣшаютъ вопросы самые *существенные* и *основные*, которые служили бы связующимъ центромъ всѣхъ отдѣльныхъ радиусовъ христіанскаго нравоученія. Отъ этого оно представляется въ очень блѣдномъ свѣтѣ, безъ надлежащаго единства, въ формѣ частныхъ этическихъ положеній, не освященныхъ какою либо высшею идеей, которая отражалась бы въ нихъ какъ лучъ солнца въ струяхъ потока. Много трактуютъ напр. о свободѣ воли и вмѣненіи, о добродѣтели и грѣхѣ, о множествѣ обязанностей—личныхъ и общественныхъ, и о прочихъ частныхъ предметахъ морали; но мало говорятъ о *христіанской жизни вообще*, т. е. въ отношеніи ея основаній, внутренняго существа и завершительной цѣли. Почти всѣ системы нравоученія, послѣ обычнаго введенія, начинаютъ рѣчь о нравственномъ законѣ, хотя, по самому существованію дѣла, требовалось бы дать прежде всего *общій* очеркъ хри-

¹⁾ 1 Петр. I, 13; Еф. VI, 18; Кол. IV, 2; 1 Сол. V, 17; Филип. IV, 4, 8; Еф. V, 18—19; 1 Кор. XV, 58; Кол. III, 12; 1 Сол. V, 21; 1 Петр. IV, 7, 11; 1 Кор. VI, 12, 20 и др.

²⁾ См. его „Начертаніе“, стр. 7.

стіанской морали, уяснить ея основные принципы, или такъ называемыя „предположенія“ (постулаты), дабы сразу ясно было, въ чемъ существенное, специфическое отличіе ея отъ всѣхъ другихъ этическихъ системъ. Въ большинствѣ моральныхъ системъ не дается напр. этическаго понятія о личномъ Божествѣ, не говорится объ отношеніи идеи Тріединого Бога къ содержанію нравственности ¹⁾ Почти не разъясняется связь христіанской нравственности съ идеею спасенія *во Христа*, а также съ этическимъ принципомъ общаго міроустройства. Не достаточно говорится о *царствѣ Божіемъ*, какъ общей области нравственно-благодатной жизни, и какъ предметъ нравственныхъ христіанскихъ стремленій каждаго лица ²⁾. Мало рѣчи о назначеніи человѣка, объ ожидаемомъ концѣ нынѣшней исторіи и необходимомъ завершеніи всего нравственнаго міропорядка. А всѣ эти идеи составляютъ, какъ очевидно, самое существо христіанской нравственности, жизненный нервъ ея. Безъ этихъ идей система христіанской морали является организмомъ безъ оживляющаго духа, строительнымъ матеріаломъ, хотя и лежащимъ въ порядкѣ и должной группировкѣ, но не приведеннымъ въ цѣльное прочное и стройное *зданіе*. Здѣсь болѣе—внѣшняя оболочка, но мало внутренняго *проникновенія*.

„Впрочемъ, при настоящемъ состояніи науки Нравственнаго Богословія, собственно и несправедливо было бы предъявлять слишкомъ большія требованія въ отношеніи къ системамъ христіанскаго нравоученія. Этой наукѣ только еще предстоитъ будущность, какъ и вообще для науки этики. По крайней мѣрѣ, въ послѣднее время стали сравнительно чаще появляться въ свѣтъ опыты христіанскаго Нравственнаго Богословія. Конечно, они имѣютъ и весьма многія достоинства и, во всякомъ случаѣ, для первоначальнаго ознакомленія съ христіанскимъ нравоученіемъ болѣе чѣмъ полезны. Можно перечислить почти всѣ системы христіанскаго нравоученія, существующія у насъ. Таковы:

1. *Еп. Инокентія*— „Дѣятельное Богословіе“.
2. *Прот. Кочетова*— „Черты дѣятельнаго ученія вѣры“.

¹⁾ Эта идея недавно была предметомъ лишь отдѣльной статьи о. архим. Антонія. См. Богосл. Вѣстникъ, 1892 г.

²⁾ Въ первомъ случаѣ царство Божіе понимается *объективно*, какъ общество вѣрующихъ во Христа (Церковь), связавныхъ единствомъ нравственной цѣли; во второмъ— *субъективно*, какъ нравственная *задача*, которую обязанъ *уяснить внутренне* каждый въ отдѣльности вѣрующій.

3. *Прот. Бажанова*—„Объ обязанностяхъ христіанина“.
4. *Архим. Платона*—„Православное Нравственное Богословіе“.
5. *Прот. Солярскаго*—„Записки по Нравственному Богословію“.
6. *Прот. Халколыванова*—„Православное Нравственное Богословіе“.
7. *Прот. Фаворова*—„Очерки нравственнаго прав. —христіанскаго ученія“¹⁾.
8. *Архим. Гавріила*—„Нравственное Богословіе“.
9. *Ив. Пятницкаго*—„Опытъ православнаго Нравственнаго Богословія“.
10. *Прот. Каменскаго*—„Прав.-христ. Нравственное Богословіе“.
11. *С. Никитскаго*—„Вѣра православной восточной греко-россійской церкви по ея символическимъ книгамъ: Тетрадь вторая: ученіе о нравственности“.
12. *А. Покровскаго*—„Прав. христ. Нравственное Богословіе“.
13. *М. Оленицкаго*—„Нравственное Богословіе или христіанское ученіе о нравственности“.

„Заслуживаетъ особаго упоминанія „Православно-христіанское ученіе о нравственности“ *прот. Янгшева* (М. 1887) и „Начертаніе христіанскаго нравоученія“ *еп. Теофана* (М. „1891). Первый трудъ отличается большею научностію по сравненію съ вышеупомянутыми. Второй²⁾ представляетъ собою единственное исключеніе изъ всѣхъ системъ нравоученія, выдѣляется изъ нихъ какъ по самому характеру изслѣдованія, такъ и по построенію. Здѣсь болѣе аскетическаго элемента въ содержаніи, болѣе указаній на данныя „Христіанской Психологіи“. Всюду видно глубокое проникновеніе въ существо нравственнаго христіанскаго идеала и въ разнообразныя движенія нравственнаго чувства. Планъ труда собственный, незамѣшанный. Поставленные вопросы обслѣдуются и рѣшаются своеобразнымъ способомъ, не по обычнымъ принятымъ приемамъ. Если въ трудѣ меньше подраздѣленій и указаній на частнѣйшія христіанскія обязанности, то за то больше этическихъ *обобщеній*, имѣющихъ отношеніе къ христіанской нравственности, какъ субъективному внутреннему *настроенію*, а не какъ

¹⁾ Ему же принадлежатъ „Чтенія о христіанской нравственности“. Кіевъ. 1880.

²⁾ „Начертаніе“ еп. Теофана есть собственно 3-й и 4-й выпуски его „Писемъ о христіанской жизни“, съ нѣкоторыми дополненіями и переработкой въ систему христіанскаго нравоученія.

только системѣ *этическихъ правилъ*, которыя христіанинъ обязанъ соблюдать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Рѣшеніе частныхъ нравственныхъ проблемъ и опредѣленіе частныхъ христіанскихъ обязанностей дается уже въ этихъ общихъ очертаніяхъ христіанской нравственности. Вышняя форма уже, но въ ней болѣе духа жизни. Если нѣкоторые второстепенные этическіе вопросы не рѣшаются въ отдѣльности, то за то поставлены и разсматриваются другіе, болѣе важные, относящіеся къ самому существу христіанской морали. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже и новые, по сравненію съ другими курсами христіанскаго правоученія, отдѣлы и матеріи. Такъ напр. находимъ отдѣленіе „основъ христіанской жизни“. Здѣсь корень ея указывается въ „воплощенномъ домостроительствѣ“, при чемъ раскрывается съ этической точки зрѣнія, необходимость воплощенія Бога для нашего оправданія и обновленія. Вторая основа христіанской жизни указывается въ *живомъ союзѣ съ Церковію*, гдѣ она, жизнь, „раскрывается и плодоноситъ“. Опредѣляется *норма* (основное начало) нравственной христіанской жизни, ея существенныя, отличительныя свойства, также характеристическія черты христіанской дѣятельности, какъ нравственной и т. д.

„Нельзя, наконецъ, не упомянуть о недавно переведенномъ на русскій языкъ сочиненіи датскаго епископа *Мартенсена*: „Христіанское ученіе о нравственности“. (СПБ. 1890 г., два тома). Этотъ трудъ представляетъ собою немалое приобрѣтеніе для нашей науки Нравственнаго Богословія. Здѣсь христіанская нравственность не только утверждается на откровенномъ ученіи и выводахъ глубокаго психологическаго анализа, но и поставляется въ соотношеніе съ философскою моралью. Это придаетъ труду вполне научный характеръ; а отсутствіе сухости въ изложеніи, т. е. живой языкъ дѣлаетъ сочиненіе и весьма увлекательнымъ.

„Сужденія о разныхъ этическихъ матеріяхъ и о христіанской морали можно находить также по частямъ въ другихъ книгахъ (иногда—*смѣшаннаго* содержанія), изъ которыхъ однѣ имѣютъ только научное значеніе, другія же предназначены и для духовнаго чтенія. Таковы произведенія нашихъ моралистовъ—*архим. Антонія, А. Гусева, М. Олесницкаго, Калачинскаго, Грота, Астафьева, Соколовскаго, Лопатина, Доболяскаго Кавелина* и др., также переводныя—*Вунда, Ф. Шаффа, Берсье, Тернера, Навиля, П. Жана, Паскаля, Друммонда* и мн. др.

„Присматриваясь ближе къ нравственнымъ ученіямъ послѣдняго

времени, легко замѣтить особенное разнообразіе ихъ направленій и основныхъ принциповъ. Эволюціонизмъ, дарвинизмъ и позитивизмъ, приобрѣвшіе извѣстность и у насъ, создаютъ нравственность на собственныхъ началахъ, въ отрѣшеніи отъ религіозныхъ основъ жизни. Школа независимой морали иногда пытается и совѣтъ отдѣлить мораль отъ *какихъ бы то ни было* метафизическихъ основоположеній. Мрачный пессимизмъ Шопенгауера и Гартмана, получившій въ послѣднее время особенное распространеніе въ обществѣ, борется съ жизнерадостнымъ оптимизмомъ (напр. Макса Нордау) ¹⁾. Есть моралисты, проповѣдующіе почти пуританскій аскетизмъ (Л. Толстой). Многіе моралисты стараются сблизить философскую мораль съ христіанскою. Но и во взглядахъ на послѣднюю и на отдѣльные ея пункты существуетъ не мало разногласій. Здѣсь напр. субъективный индивидуализмъ ведетъ борьбу съ социалистическимъ альтруизмомъ (спасеніе души и служеніе общественному благу). Одни настаиваютъ, что христіанство есть *преимущественно* религія *личнаго духовнаго самовоспитанія* (жизнь въ уединеніи), другіе же утверждаютъ, напротивъ, что христіанская мораль на первый планъ выставляетъ заповѣдь о *дѣятельной любви къ ближнему*. Подобнымъ образомъ, одни противоплагаютъ христіанскій *универсализмъ* древне-еврейскому *партикуляризму* (или ваціонализму), другіе признаютъ законность этого партикуляризма и въ христіанствѣ. Вопросы, поднятые Л. Толстымъ (напр. о войнѣ, о безбрачій, непротивленіи злу и т. д.), до сихъ поръ все еще не оставлены, и рѣшаются съ большимъ или меньшимъ разнообразіемъ. Многія этическія теоріи стараются найти для себя оправданіе въ христіанской морали, чтобы облечься въ ея одежду. Гедонизмъ и эвдемонизмъ думаютъ утвердиться на христіанскомъ ученіи о блаженствѣ, альтруизмъ и гуманизмъ—на заповѣди о любви, социализмъ и коммунизмъ—на ученіи о равенствѣ, братствѣ и раздаяніи имущества. Безкорыстіе и чистота христіанской нравственности при вѣрѣ въ будущую блаженную жизнь — представляютъ очень сомнительный пунктъ для многихъ позднѣйшихъ философовъ и моралистовъ. Отрицаніе догматическихъ основъ христіанской морали и признаніе ея за *исключительную сущность* христіанства—фактъ весьма нерѣдкій. Вопросъ о отношеніи христіанства къ внѣшней культурѣ и ея частнымъ общественнымъ формамъ также представляетъ собою предметъ споровъ и разпорѣчій.

¹⁾ См. его сочиненіе: „Les paradoxes“. Русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Въ поискахъ за истиной“. СПб. 1887.

„Среди такой темноты этическихъ понятій, среди такого разногласія о предметахъ христіанской морали, мысль невольно устремляется въ даль прошлаго, къ *золотымъ* вѣкамъ церковно-христіанской литературы. Этико-христіанское сознание церковныхъ свѣтилъ того времени было совершенно чисто, не будучи омрачено чуждыми ему теиденціями. Христіанская истина, не смѣшанная съ элементами *мірской* мудрости, должна была предноситься тогда вѣрующему уму съ большею ясностію и чистотою. Поэтому отъ изученія современной философской этики и христіанскаго нравоученія я перешелъ къ изученію древне-христіанской патристической литературы.

„2. Предметомъ моего спеціального изученія изъ древнихъ отцевъ Церкви былъ св. *Григорій Богословъ*. *Характеристика его личности и нравоученія* и составляетъ ближайшій предметъ моей будущей магистерской диссертациі. Я прочелъ всѣ творенія Григорія Богослова и познакомился съ литературой своего предмета. Изъ прочитанныхъ мною источниковъ и пособій назову слѣдующія.

1. C. Ullmann: „Gregorius von Nazianz der Theologe“.
2. L. Montaut: „Revue critique de quelques questions historiques se rapp. à s. Grégoire d. Nazianze.“
3. H. Weiss: „Die grossen Kappadocier, Bas, Greg. v. Naz. u. Greg. v. Nys als Exegeten“.
4. I. B. Bauduer: Vie de s. Grégoire de Nazianze, Archevêque de Constantinople“.
5. Grenier: „La vie et les poesies de s. Greg. de Naz“.
6. Fr. Dübner: „Nouveau choix de discours des pères grecs“ (p. 313—362).
7. Guillon: „Bibliothèque choisie des peres de l'église“ (t. 7—9).
8. Georg. Walchii: „Bibliotheca patristica“ (passim).
9. P. I. Tricaletius: „Bibliotheca manualis ecclesiae patrum“ (t. II, p. 1—116).
10. A. B. Caillau: „Introductio ad sanct. patrum lectionem“ . vol. I.
11. I. Planche: „Choix de poésies et de lettres de s. Greg. d. Naz“.
12. Свящ. Н. Виноградовъ: „Догматическое ученіе св. Григорія Богослова“.
13. А. Говоровъ: „Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ“.
14. Архим. Агапитъ: „Жизнь св. Григорія Богослова, архіеп. Конст., и его пастырская дѣятельность“.

„Просмотрены мною также и нѣкоторые общіе курсы церковной исторіи: *Неандера, Гизелера, Гагенбаха, Шаффа, Шастеля, Геттэ* и др.

„Недавно прочитана мною монографія Böhringer'a о Григоріи Богословѣ.

„Одни изъ указанныхъ пособій описываютъ св. Григорія какъ церковно-историческаго дѣятеля, другія—какъ догматиста, третьи,—какъ поэта. Въ нѣкоторыхъ имѣются библиографическія свѣдѣнія. Все это помогаетъ мнѣ составить общую біографію св. отца, характеристику его личности и краткую библиографію его твореній. Все это должно войти въ первую *вступительную* часть моего труда. Главнымъ же его содержаніемъ будетъ схематическое изложеніе морали св. Григорія, которая разсматривается въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ пособій только отчасти, иногда — въ общихъ чертахъ.

„Изученіе пособій и источниковъ не приведено еще мною къ концу. Поэтому въ настоящемъ случаѣ ограничусь лишь тѣмъ, что намѣчу *общіе*, существенные пункты нравоученія св. Григорія, примѣнительно къ порядку плана своей *главной* работы.

„Какъ уже замѣчено было выше, недостатокъ нашихъ нравоучительныхъ системъ состоитъ въ особенности въ томъ, что онѣ трактуютъ болѣе о нравственномъ законѣ и частныхъ его развѣтвленіяхъ, нежели о самой христіанской *жизни* въ ея основаніяхъ, *источникѣ, процесѣ развитія и завершеніи*. Между тѣмъ ясно, что прежде всего нужно указать человѣку его *общее* отношеніе къ бытію, выяснитъ связь его съ другими личностями, поставить ему опредѣленную цѣль жизни. Нужно указать человѣку опредѣленное мѣсто во вселенной, раскрыть смыслъ его существованія и связь съ абсолютнымъ. Тогда только нравственная дѣятельность человѣка будетъ вполне осмысленная и цѣлесообразная. Очевидно, требуется указать *метафизическія основы* морали, изъ которыхъ она выросла бы, какъ дерево изъ корня. Прежде чѣмъ разсуждать о томъ, *каковъ* есть и долженъ быть человѣкъ, нужно сначала рѣшить, къ чему и кѣмъ онъ призванъ, и что его ожидаетъ?.. А затѣмъ уже легко можно опредѣлить и то, *какъ* должно духовно образовать себя, и что нужно всикій разъ дѣлать и соблюдать, чтобы достигнуть высшей цѣли существованія? Вопросъ о постулатахъ, или метафизическихъ принципахъ морали—*первый* вопросъ всякой этической системы, равно какъ и христіанскаго нравоученія. А такъ какъ послѣднее въ своихъ осно-

ваніяхъ опирается на христіанскіе догматы, то отсюда предстоитъ предварительная задача—произвести анализъ христіанскихъ догматовъ съ *этической* точки зрѣнія. Говоря иначе, нужно уяснить ихъ *нравственный* смыслъ и отношеніе къ общей нормѣ христіанской жизни. Съ этого именно вопроса—о *догматическихъ основахъ* христіанской морали—мы и начинаемъ изложеніе нравоученія Григорія Богослова.

„Такая система вполне соотвѣтствуетъ духу и внутреннему содержанию самыхъ твореній св. Григорія. Здѣсь именно открывается, что онъ *болѣе всего* останавливался на *основномъ* вопросѣ морали,—на вопросѣ объ ея христіанскихъ догматическихъ принципахъ. Онъ разсматривалъ христіанскіе догматы именно съ *этической* точки зрѣнія,—ставилъ въ связь съ христіанскою жизнію, старался всегда извлекать изъ нихъ нравоучительныя идеи. Объ этомъ свидѣтельствуется и самъ св. отецъ: „какъ всякая вещь“, пишетъ онъ, „имѣетъ свой большій, или меньшій отличительный признакъ, такъ и мои рѣчи, гдѣ только нужно, имѣютъ отличительнымъ свойствомъ назидательность въ мысляхъ и догматахъ“¹⁾. Итакъ вопросъ о догматическихъ основахъ христіанской морали, помимо своего принципиальнаго значенія вообще, имѣетъ свое оправданіе и въ самыхъ твореніяхъ св. Григорія какъ существенный пунктъ его нравоученія.

„Первое и самое главное основаніе христіанской морали есть признаніе *личнаго*, *безначальнаго*, *безпредѣльнаго* Существа, т. е. Бога, какъ Виновника бытія. Безъ этого предположенія, которое можно назвать *теологическимъ* (Богословскимъ), христіанская нравственность не существуетъ. И Григорій Б. возводитъ все, какъ и самую человѣческую жизнь, къ личному Божеству. Въ собственномъ и безусловномъ смыслѣ бытіе принадлежитъ только Богу. Онъ одинъ всегда былъ, есть и будетъ, или лучше—всегда *естъ*, потому что для него все—настоящее²⁾. Именованіе „Сый“ болѣе другихъ божескихъ именъ относится къ сущности Божества³⁾. Всякое же другое бытіе мыслится только въ Богѣ, и потому существуетъ лишь *относительно*, въ зависимости отъ Бога. Значить, начало христіанскаго воспитанія—въ почитаніи Бога, при

1) Твор. Григ. Б., въ рус. пер. изд. 3, 1889 г. т. VI, стр. 191.

2) Твор. IV, 244.

3) Твор. III, 78—79; 196 и др.

постоянной мысли о нашей зависимости отъ Него, какъ Виновника нашего бытія ¹⁾).

„Отсюда разрѣшается и вопросъ о метафизической связи Божества съ конечнымъ бытіемъ. Богъ не имманентенъ міру, но и не всецѣло трансцендентенъ. Имѣя личное бытіе, Онъ проявляется свойствами Своими и въ бытіи конечномъ, такъ что все Собою обнимаетъ. Богъ во всемъ и виѣ всего ²⁾“. „Помыслимъ“, пишетъ св. отецъ, о превосходитѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго—Богъ (если только не найдетъ кто приличнѣйшимъ поставить Его и выше сущности или *въ Немъ заключить все бытіе*, такъ какъ отъ Него сообщается бытіе и прочему“ ³⁾). Отсюда опредѣляется принципъ *единства бытія въ Богъ*, Который во всемъ отражается, все въ Себѣ содержитъ, все проникаетъ и все наполняетъ ⁴⁾). Начало и конепъ всякаго тварнаго бытія—въ Богѣ, Который „сотворилъ все, отъ Котораго все и для Котораго все“ ⁵⁾). Имъ однимъ пребываетъ все, и къ Нему все въ совокупности стремится и возсылаетъ моленія. Онъ единъ и все ⁶⁾). Значить и каждая *индивидуальная* жизнь укрѣпляется въ Божествѣ, и къ Нему относится какъ одна изъ безчисленныхъ периферій къ единому всеобъемлющему центру. На этомъ основывается этическое правило, что „памятовать о Богѣ необходимѣе, нежели дышать; и если можно такъ выразиться, кромѣ сего не должно и дѣлать ничего инаго“; память о Богѣ нужно всегда и „симъ памятованіемъ возводить себя къ чистотѣ“ ⁷⁾). Бога нужно имѣть „началомъ и концомъ всякаго дѣла“ ⁸⁾).

„Совершеннѣйшимъ образомъ такого полного единства всего конечнаго бытія въ Богѣ служитъ единство во внутренней жизни самаго Бога, въ Которомъ различіе *трехъ* личныхъ Ипостасей не уничтожаетъ *единой* Божеской сущности. „Богъ раздѣляется, такъ сказать, нераздѣлимо, и сочетается раздѣленно; потому что Божество есть Единое въ трехъ, и едино суть три, въ которыхъ Божество, или точнѣе сказать, которыя суть Божество“ ⁹⁾).

¹⁾ Твор. I, 142.

²⁾ Твор. I, 50.

³⁾ Тамъ-же, 186.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 17.

⁵⁾ IV, 25.

⁶⁾ V, 5.

⁷⁾ III, 6.

⁸⁾ V, 177.

⁹⁾ III, 215.

Изъ единицы Троица, и изъ Троицы опять Единица... Въ трехъ свѣтахъ одно естество неподвижно. Единица не безчисленна, потому что покоится въ трехъ Добротахъ. Троица не въ разной мѣрѣ досточтима, потому что естество не разсѣкаемо. Въ Божествѣ Единица, но тречисленны Тѣ, которымъ принадлежитъ Божество. Каждый есть единый Богъ, если именуешь одного. И опять, единый Богъ безначальный, изъ Котораго богатство Божества, когда слово упоминается о Трехъ¹⁾. Три Ипостаси Божества находятся между собою въ такомъ тѣснѣйшемъ внутреннемъ единствѣ, которое не осуществляется во *взаимотношеніи между тварными* существами. „Тремя богами можно было бы назвать тѣхъ, которыхъ раздѣляли бы между собою время, или мысль, или держава, или хотѣніе,—такъ что каждый никогда бы не былъ тождественъ съ прочими, но всегда находился съ ними въ борьбѣ. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава, а чрезъ сіе не нарушается и единичность, которой великая слава въ единой гармоніи Божества“²⁾. Сынъ и Духъ Св. возводятся къ Отцу, „не сливаясь, а сопребывая съ Нимъ, и не раздѣляемые между Собою ни временемъ, ни хотѣніемъ, ни могуществомъ. Ибо сіе насъ дѣлаетъ чѣмъ то многимъ; потому что каждый изъ насъ разногласенъ и самъ съ собою и съ другими. Но тѣмъ, у которыхъ естество просто и бытіе тождественно, приличествуетъ и единство“³⁾. „Мы чтимъ единоначаліе, впрочемъ не то единоначаліе, которое опредѣляется единствомъ лица (и одно, если оно въ раздорѣ съ самимъ собою, составитъ множество), но то которое составляетъ равночестность единства, единомушіе воли, тождество движенія и направленія къ единому тѣхъ, которые изъ, одинаго (что невозможно въ естествѣ сотворенномъ), такъ что Они, хотя различаются по числу, но не раздѣляются по власти“⁴⁾. Въ чловѣчествѣ, „хотя общность и имѣетъ единство, представляемое впрочемъ мысленно, однакожъ недѣлимыхъ много и они раздѣлены между собою временемъ, страстями и силою. Ибо мы не только сложны, но и противоположны, какъ другъ другу, такъ и сами себѣ; не говори уже о цѣлой жизни, даже и одного дня не бываемъ совершенно тѣми же, но непрестанно течемъ и перемѣняемся и по тѣлу, и по душѣ. А не знаю едва-ли не такovy же

1) IV, 184.

2) Ibid. 185.

3) Ibid. 30.

4) III, 43.

Ангелы и всякое, кромѣ Троицы, горнее естество, хотя они просты и по близости своей къ верховному Благу, крѣпко утверждены въ добръ ¹⁾. Каждое изъ лицъ Божества, „по тожеству сущности и силы, имѣеть такое же единство съ Соединеннымъ, какъ и съ Самимъ Собою“ ²⁾. Внутреннее единство въ Троицѣ такъ неразрывно, что „отсѣчь или отчуждать что нибудь отъ Трехъ значить тоже, что отсѣчь *все*, и нагло возстать противъ всего Божества“ ³⁾.

„Итакъ все конечное бытіе возводится къ Трѣдиному Богу и въ Немъ связуется въ общее единство. Однако люди не всегда сохраняютъ въ себѣ самихъ и во взаимоотношеніи подобное же внутреннее единство. И потому единство Троицы представляетъ собою совершеннѣйшій идеаль, къ которому обязано стремиться каждое сотворенное существо, въ томъ числѣ и человекъ. А это возможно только посредствомъ исполненія божескихъ творческихъ идей (законовъ добра), уничтожающихъ разладъ въ бытіи и утверждающихъ на мѣсто его согласіе, или гармонію. „Единомысліе“, пишетъ св. Григорій, „ведетъ начало отъ Троицы (такъ какъ Ей и по существу всего свойственнѣе единство и внутренней міръ), которое усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими въ мирѣ съ Богомъ и между собою, которое простирается на всю тварь (такъ какъ ей служить украшеніемъ безмятежіе), которое удобно поселяется и въ насъ, какъ по душѣ, когда въ ней добродѣтели одна другую сопровождаютъ и одна съ другой сообщаются, такъ и по тѣлу, когда въ немъ и члены и стихіи имѣютъ взаимную стройность, отъ чего въ первомъ случаѣ происходитъ то, что есть и именуется красота, а во второмъ — здравіе“ ⁴⁾.

„Единство бытія въ Богѣ есть, очевидно обнаруженіе премудрой любви или благодати Божіей, которая и приводитъ все въ согласіе. Здѣсь, такимъ образомъ, метафизики и этика совпадаютъ: принципъ метафизическій сливается съ этическимъ. Мировое единство не есть физико — механическое равновѣсіе равнодѣйствующей, а свободное, въ той или другой степени, тяготѣніе къ общему все объединяющему центру, мыслимому въ личномъ абсолютномъ Божествѣ, которое все оживляетъ и поддерживаетъ свою любовію.

1) Ibid. 95.

2) Ibid.

3) I, 185.

4) Твор. II, 198.

И прежде всего самое единство Троицы есть, очевидно, единство *любви*, какъ единство Лицъ единосущныхъ. „Божество выступило изъ единичности по причинѣ *богатства*, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства, чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы *нелюбообобщительность*, послѣднее—*безпорядокъ*“ ¹⁾ Потому то Богъ чаще всего именуется Богомъ, *мира*, такъ какъ миръ—Божій ²⁾; именуется Отцомъ любви и Любовію³⁾). Итакъ—вотъ первая основа христіанской морали. Самый законъ міробытія есть уже законъ добра, мира и любви, законъ внутренняго единства въ Богѣ. Поэтому всякій, кто нарушаетъ это единство, тотъ вноситъ раздоръ и безпорядокъ въ сотворенное бытіе и возстаетъ противъ плановъ любви Божіей. Отсюда — зло и нестроеніе жизни. „Въ Божествѣ нѣтъ несогласія, потому что нѣтъ и разъединенія (такъ какъ разъединеніе есть слѣдствіе несогласія): но въ немъ столько согласія и съ Самимъ Собою и со вторичными существами, что на ряду съ другими, и предпочтительно предъ другими именами, какими угодно называться Богу, сіе преимущественно стало Его именованіемъ. Онъ называется *миромъ* (Еф. II, 14), *любовію* (Іоан. IV, 16) и подобными именами, внушая намъ самыми наименованіями стремиться къ стяжанію сихъ совершенствъ... Посему всѣ тѣ, которые любятъ благо мира и, напротивъ того, ненавидятъ раздоръ и отвращаются его, близки къ Богу и Божественнымъ духамъ; а тѣ, которые браннолюбивы нравомъ, ищутъ славы въ нововведеніяхъ, и тщеславятся тѣмъ, чего бы надлежало стыдиться, принадлежатъ къ противоположной сторонѣ“ ⁴⁾.

„Второе предположеніе, или основаніе нравственности находимъ въ ученіи собственно о чловѣкѣ, какъ существѣ, на которомъ также, наряду съ другими тварями, извѣстнымъ образомъ отпечатлѣлась любовь Божія, и который поэтому призванъ къ духовному союзу съ Богомъ. Это основаніе—*антропологическое*, требу-

¹⁾ Ibid. 180—181.

²⁾ Ibid. 186.

³⁾ Ibid. 189: I, 24Е.

⁴⁾ Здѣсь же св. отецъ подробнѣе говоритъ о законѣ любви Б., объемлющемъ все бытіе—небесное и земное. и о тѣхъ нестроеніяхъ и бѣдствіяхъ, какія производятъ уклоненіе отъ него. Твор. т. I, 186—191.

ющее признанія въ человѣкѣ особой духовной субстанціи, т. е. души, и при томъ обладающимъ свободнымъ самоопредѣленіемъ.

„Какъ твореніе Божіе, человѣкъ представляетъ собою въ ряду тварей существо, срединное между міромъ вещественнымъ и духовнымъ: въ немъ удивительнымъ образомъ сочетались начала того и другаго ¹⁾). Онъ вмѣстѣ — „персть и духъ, живое существо—видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, касающееся Бога, но не постигающее, приближающееся и далеко отстоящее“ ²⁾). Мы произошли изъ персти, соединенной съ Божествомъ; поэтому въ насъ есть образъ Божій ³⁾). Часть божества, заключенная въ тѣлѣ, и есть человѣческая душа—природа умозерцаемая, оживляющая и движущая ⁴⁾). Душа „произошла отъ Бога и божественна, которая причастна горняго благородства и къ нему поспѣшаетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ“ ⁵⁾). „Душа есть Божіе дыханіе, и будучи небесною, она терпитъ смѣшеніе съ перстнымъ. Это свѣтъ, заключенный въ пещерѣ, однакожъ божественный и неугасимый“ ⁶⁾). Душа не есть гармонія составныхъ частей тѣла: иначе не было бы основанія для различія людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, равно какъ для отдѣленія людей отъ безловесныхъ, потому что и у послѣднихъ есть гармонія формы и смертной плоти ⁷⁾). Какъ *струя невидимаго Божества*, человѣскій духъ всего дороже и выше для человѣка ⁸⁾). Получая все отъ Бога, человѣкъ обязанъ и всѣмъ жертвовать для Бога, все Ему посвящать и возвращать ⁹⁾). Но высшая и самая угодная Богу жертва отъ насъ есть именно нашъ духъ, т. е. самъ человѣкъ долженъ прежде *себя самаго* представить Богу въ жертву живую, чистую и святую ¹⁰⁾). Это посвященіе души Богу есть ея естественное тяготѣніе къ Первоисточнику жизни, отъ котораго и она получила бытіе,—есть приготовленіе къ переходу въ свойственное ей по природѣ духовное существованіе на небѣ.

1) IV, 199.

2) I, 50.

3) IV, 199, 248.

4) Ibid., 152, 199; III, 199; V, 280.

5) I, 21.

6) IV, 197.

7) Ibid., 197—8.

8) I, 86.

9) II, 22—23; I, 70—71

10) IV, 222, I, 4.

„Душа есть Божіе дыханіе, и всегда желаетъ имѣть лучшую участь пренебесныхъ. Какъ потокъ течетъ изъ источника по ровному мѣсту, а пламенѣющей огоньъ знаетъ одинъ неизмѣнный путь — возноситься вверхъ: такъ и человѣкъ великъ; онъ даже Ангелъ, когда подобно змѣѣ, совлекши съ себя пестровидную старость, восходитъ отселъ“. 1) Потому то „въ человѣкѣ сокрыта искра благочестія, какъ въ нѣкоторыхъ камняхъ сила огня. Ударами желѣза извлекается свѣтъ изъ кремней; такъ и Слово изводитъ изъ смертныхъ сокрытое въ нихъ благочестіе“ 2). „Даръ наибольший и наипаче свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ человѣколюбіи, есть наше къ Нему (Богу) стремленіе и сродство съ Нимъ“ 3). Посему Богъ является высочайшимъ благомъ, съ которымъ душа человѣческая, воспитываясь нравственно, жаждетъ соединиться 4). „Богъ есть сущность и первая доброта“ 5). Онъ есть высочайшій свѣтъ, просвѣщающій всякую разумную природу, то же въ духовномъ мѣрѣ, что солнце въ чувственномъ, по мѣрѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждающій къ Себѣ любовь, и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый“ 6). Онъ и сотворилъ человѣка, какъ весь мѣръ, по Своей *благости*, — „творить живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной мѣръ и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣренный здѣсь свѣтъ истины служить для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божію, достойную Того, кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совокупить превосходнѣйшимъ образомъ“ 7).

„Но это *обоженіе* не есть законъ, осуществляемый съ необходимостію, а должно быть *личнымъ дѣломъ самаю чловѣка*, потому что онъ обладаетъ *нравственною свободою*. Иначе добро, совершаемое нами, не имѣло бы нравственной цѣны, и не было бы поставлено въ заслугу самому чловѣку, какъ *собственное дѣло личности*. „Сего (первозданнаго) чловѣка, почтивъ свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ раю... Даетъ и за-

1) IV, 222, I, 4.

2) V, 60.

3) II, 143.

4) II, 220; III. 75, 95; ср. III, 147.

5) V, 279.

6) III, 226.

7) Ibid. 200.

конъ для упражненія и свободы“ ¹⁾. „Въ томъ — верхъ благодати Божией, что добро содѣлано и нашу *собственность*, не только всѣяно въ насъ естествомъ, но воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы, преклонной на ту и другую сторону“ ²⁾. „И какъ Самъ Онъ (Богъ) преисполненъ свѣта и добра, то и мнѣ даровалъ нѣсколько добра; восхотѣлъ же, чтобъ оно было моимъ дѣломъ. А для сего показалъ мнѣ тогда же границы той и другой жизни, и опредѣлилъ ихъ словомъ, придалъ въ помощь твари законъ, поставилъ меня самопроизвольнымъ дѣлательемъ добра, чтобы борьбою и подвигомъ приобрѣлъ я вѣнецъ; потому что для меня это лучше, чѣмъ жить свободнымъ отъ ограниченій“ ³⁾.

„Вслѣдствіе злоупотребленія человѣкомъ дарованной ему свободы, совершилось паденіе, — такъ возникло зло въ человѣческой природѣ, переходящее на всѣхъ людей, подобно колосу, вырастающему изъ корня ⁴⁾. Отсюда — противоборство между тѣломъ и духомъ и различіе стремленій того и другаго ⁵⁾. Вещество влечетъ „долу“, а умъ — „горѣ“ ⁶⁾. „Какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни, и какъ частица Божественнаго, ношу въ груди любовь къ жизни будущей“ ⁷⁾. Чаще всего благосостояніе души бываетъ обратно благосостоянію тѣла ⁸⁾. Но, какъ бы то ни было, есть законъ, постановленный для всего творенія, видимаго и сверхчувственнаго, — законъ, по которому лучшее (здѣсь — душа) должно управлять худшимъ (тѣломъ), а низшее по природѣ должно подчиняться высшему и начальственному ⁹⁾. Отсюда открывается глубочайшая, основная проблема нравственной жизни; состоящая въ постепенномъ самовоспитаніи духа, при постоянной борьбѣ съ влеченіями плоти безъ насильственнаго, впрочемъ, ея истощенія, такъ какъ и она дана человѣку Богомъ, какъ орудіе и жилище духа ¹⁰⁾. „Чѣмъ душа честибѣ тѣла, тѣмъ честибѣ очищать

¹⁾ Ibid. ср. I, 91, III, 102.

²⁾ I, 21.

³⁾ V, 107, См. еще IV, 200, 205.

⁴⁾ I, 91; IV, 115, 147, 194; 250=1; III, 263; IV, 201, ср. II, 31.

⁵⁾ II, 8.

⁶⁾ II, 133—4; IV, 192, 222.

⁷⁾ IV, 199—200.

⁸⁾ I, 251.

⁹⁾ I, 22.

¹⁰⁾ II, 8; IV, 278.

душу, нежели тѣло“¹⁾. Но чрезъ очищеніе души происходитъ очищеніе и обновленіе самого тѣла²⁾. При такомъ то отношеніи духа къ плоти, при такомъ правильномъ употребленіи нравственной свободы, можетъ осуществиться на человѣческой личности антропологическая идея Творца, призвавшаго человѣка къ единенію съ Собою. „Кто соблюдаетъ законъ, чтитъ частицу Божества, какую имѣетъ въ себѣ, во всякомъ дѣлѣ, словѣ и движеніи ума, сколько можно болѣе, чистъ отъ всего попираемаго, и не оскверняется ничѣмъ переходящимъ, а напротивъ того самую персть влечетъ съ собою къ небу, тотъ въ награду за труды (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станетъ богомъ, и хотя богомъ по усмысленію, однако же исполненнымъ высшаго свѣта, начатки котораго пожиналъ онъ въ нѣкоторой мѣрѣ еще здѣсь“³⁾. А кто, напротивъ, сдѣлавшись „сообщникомъ дольняго и рабомъ плоти, оскорбляетъ жизнью своею божественное благородство“ (его души), тому угрожаетъ *первое изъ бѣдствій—быть отринутымъ отъ Бога*⁴⁾.

„Третье основаніе нравственности—*космологическое*, которое требуетъ признанія, что міровая жизнь движется не самослучайно, а по извѣстнымъ законамъ и для достиженія опредѣленной цѣли. Безъ этого условія и человѣческая жизнь сама по себѣ представляла бы ничѣмъ не руководимый *fatum*, а нравственныя стремленія остались бы безъ опредѣленной цѣли и должнаго завершенія, и потому потеряли бы высшій разумный смыслъ и обязательную силу. Требуется признаніе премудраго, руководящаго Божественнаго *Промысла*, содержащаго въ Себѣ Самомъ цѣль тварнаго бытія и направляющаго къ ней судьбы міра⁵⁾. При этомъ только убѣжденіи человѣкъ и можетъ находить въ себѣ достаточно бодрости и силъ для духовнонравственной борьбы съ самимъ собою и съ окружающимъ зломъ. „Худому только рабу свойственно оказывать уваженіе господину, когда онъ улыбается, и почитать его злымъ, когда наноситъ удары. Надобно безъ ропота принимать, куда ни будетъ повернуто кормило, которымъ Богъ изводитъ меня изъ борьбы и жизни, пока не взойду въ тихую пристань, если только не напрасно построилъ Онъ этотъ корабль, но для добраго

1) III, 191.

2) II, 52; V, 107.

3) V, 107—8.

4) Ibid.

5) IV, 190.

и благоуспѣшнаго конца ¹⁾). Если человѣкъ иногда и не представляетъ себѣ ясно разумной цѣли извѣстнаго явленія, то это еще не значить, чтобы не знало ея міроуправляющее Слово, все равно какъ живопись вполнѣ понимаетъ только живописецъ, и свойства линий вполнѣ извѣстны только геометру ²⁾). Нужно дать мѣсто и вѣрѣ, потому что она есть „непытливое согласіе“ ³⁾). Постичь глубину премудрости Божіей невозможно ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе, нужно признать, что міръ не можетъ существовать безъ промысла, и отрицаніе Его есть *мятежь* противъ Бога ⁵⁾). Нужно признать, что существующій порядокъ во вселенной поддерживается Богомъ ⁶⁾); а если и разстраивается, то не противъ воли Того, Кто связалъ ее во едино ⁷⁾) Богъ все ведетъ Ему одному вѣдомыми путями, ведетъ во всякомъ случаѣ къ *благой* цѣли — къ *совершенству и врачеванію*, и потому предвѣдѣніе Божіе полагаетъ основаніе важныхъ событій ⁸⁾). Всѣ кажущіяся неровности въ жизни (нравственное и физическое зло) выравниваются у Бога, имѣя для человѣка, между прочимъ, и нравственно-воспитательныя цѣли ⁹⁾). Правда, есть и нѣкоторый кругъ и даже противоположности въ дѣлахъ человѣческихъ, но въ нихъ есть и неподвижный центръ. Движеніе и колебаніе относится только къ одной *внѣшней*, обиденной *являемости*, а не къ *основанію*, въ которомъ скрыта Промысломъ тайна вселенной, и которое во всемъ твердо и неподвижно ¹⁰⁾). Должно вѣровать, что Богъ имѣетъ особенное попеченіе о человѣкѣ, хотя жизнь человѣческая проводится не безъ преткновеній и противностей, причины которыхъ иногда остаются неизвѣстны. Эта именно вѣра въ цѣлесообразность и разумность общеміровой и, въ частности, человѣческой жизни, руководимой Промысломъ, даетъ твердую опору для нравственныхъ стремленій, сообщаетъ имъ глубокой смыслъ, и внушаетъ человѣку великія силы для духовныхъ подвиговъ. „Что для насъ странно?“ спрашиваетъ св. Григорій. И отвѣчаетъ: „ничто, кромѣ уклоненія отъ

1) V, 39—40.

2) Ibid. 37; II, 32.

3) V, 37.

4) II, 31.

5) V, 37.

6) III, 26, 30—40; II, 34.

7) III, 116.

8) I, 74, 81, 91; II, 147, 210; IV, 245—6.

9) I, 72, 92; II, 32, 43—45.

10) II, 75; I, 74.

Бога и отъ Божественнаго. А прочее, какъ Богъ управить, такъ и да будетъ! Устраиваетъ ли Онъ дѣла наши *оружіи правды десными* и милостивыми, или шуими (2 Кор. 6, 7) и тяжкими для насъ; причины тому знаетъ Домостроитель жизни нашей. А мы будемъ бояться того единственно, чтобы не потерпѣть чего либо противнаго любомудрію“ ¹⁾).

„Христіанство учитъ не только о первоначальномъ созданіи человѣка, но и о *возсозданіи* его и *обоженіи* чрезъ воплощеннаго Сына Божія. Отсюда въ личности І. Христа и началахъ Его дѣятельности нравственность христіанская имѣетъ для себя новое глубочайшее основаніе, которое можно назвать *сотеріологическимъ*.

„Если бы люди оставались всегда тѣмъ, чѣмъ они были (до падевія), то сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ не были, т. е. бессмертными и близкими къ Богу. Но поелику смерть овладѣла человѣкомъ, то Богъ не восхотѣлъ оставить безъ помощи Свою тварь, но Самъ, ставъ человѣкомъ, страждетъ какъ человѣкъ и обнищаваетъ до принятія плоти, чтобы обогатить насъ Своею нищетою ²⁾). Премірное Естество, невмѣстимое тварію, извѣстное время обитало съ нами ради Своего *человѣколюбія*, чтобы привлечь насъ къ Себѣ, поверженныхъ на землю ³⁾). Слово Божіе „соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха... Сый начинаетъ бытіе... Богатій обнищаваетъ — обнищаваетъ до плоти моей, что бы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается — не на-долго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полноты Его. Какое богатство *блаости!* Что это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій, и не сохранилъ Его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе перваго, поелику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспринимаетъ худшее; но сіе боголѣпнѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ“ ⁴⁾). Христось былъ всецѣлый человѣкъ, сталъ тѣломъ, душою, умомъ, — всѣмъ, что проникла смерть дабы весь человѣкъ былъ спасенъ ⁵⁾). Но если человѣкъ, чрезъ Христовы страданія, имѣетъ возможность стать *Богомъ* (по усыновленію), то и Хри-

¹⁾ VI, 257.

²⁾ IV, 116—117; I, 5; III, 228.

³⁾ IV, 81; III, 217.

⁴⁾ III, 202—3; IV, 130—131.

⁵⁾ II, 197; III, 67. 81—82, 263—4.

стосъ не есть только человекъ, но вмѣстѣ и всецѣлый *Богъ*, пребывающій Своею сущностію въ человѣческомъ естествѣ, какъ солнце въ лучахъ,—есть единый Богъ въ обоихъ естествахъ ¹⁾. Тѣмъ онъ и чуденъ, что и Божества не умалилъ, и человекъ спасъ какъ врачъ ²⁾. „Если бы еще поклонялся я твари, или въ тварь крестился, то я не обожился бы и не измѣнился бы въ первое рожденіе .. Ибо все же Они (Сынъ и Духъ Св.) рабы, хотя и почтеннѣе нѣсколько (меня); потому что и между подобными рабами бываетъ различіе и предпочтеніе ³⁾. Потому то и самое названіе „христіанъ“ утверждается на признаніи Христа Богомъ ⁴⁾. Итакъ Богъ пострадалъ моими страданіями, сталъ ради меня грѣхомъ и клятвою ⁵⁾. Это есть *истоцаніе* Божества—какъ бы ослабленіе и умаленіе славы Его ⁶⁾.

„Все это ученіе о личности и дѣлѣ Богочеловѣка содержитъ, какъ очевидно, совершенно *этический* элементъ какъ выраженіе высшаго человѣколюбія Божія. Такого же характера и *плоды* во-человѣченія и страданій Господа, имѣвшихъ цѣлю „окрылить душу, исхитить изъ міра и передать Богу... того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать *Богомъ* и причастникомъ горняго блаженства“ ⁷⁾. Это обоженіе человекъ произошло уже въ личности Самого Сына Божія ⁸⁾. Адъ изложенъ крестомъ, смерть—смертію Христовою, всѣ возсозданы страданіями Христа и снова возведены къ *древу жизни древомъ безчестія* ⁹⁾. Во Христѣ открылась людямъ новая жизнь, въ Немъ полагается *новая* основа единенія христіанъ съ Богомъ, потому что кровію Своею Христосъ все собралъ, примирилъ и совокупилъ во едино ¹⁰⁾. „Немногія капли крови возсозидаютъ цѣлый міръ, и для всѣхъ людей дѣлаются тѣмъ же, чѣмъ бываетъ закваска для молока, собирая и связуя насъ во едино“ ¹¹⁾.

„Отсюда ясны и выводы по отношенію къ духовно-нравственной

1) VI, 23; V, 42, 49, 221.

2) IV, 180—1; III, 204.

3) III, 261.

4) Ibid. 188.

5) Ibid. 285; IV, 166.

6) III, 178.

7) I, 24—5; IV, 228.

8) IV, 160; V, 49; III, 59.

9) IV, 143, 249; III, 142.

10) I, 193, ср. I, 242; V, 220; IV, 13.

11) IV, 148.

жизни. Пришествіемъ І. Христа „человѣкъ переселяется, или (*точнѣе* сказать) *возвращается* къ Богу“, а потому христіанинъ и живетъ только во Христѣ, подражая его страданіямъ, съ Нимъ раждаемый, распинаемый, спогребаемый и совозстающій ¹⁾). „Ибо мнѣ“, пишетъ св. Григорій, „необходимо претерпѣть сіе спасительное измѣненіе, чтобы, какъ изъ пріятнаго произошло скорбное, такъ изъ скорбнаго вновь возникло пріятное“ ²⁾). Задача христіанина— „содѣлаться богомъ ради Христа, ибо и Онъ сталъ человѣкомъ для насъ“ ³⁾). Потому христіанинъ имѣетъ въ виду одно спасеніе, и ставитъ ни во что все видимое ⁴⁾). Онъ — выше всего дольнаго и человѣческаго; постоянная забота его— о внутреннемъ очищеніи ⁵⁾). Онъ всегда приноситъ Богу въ жертву самого себя, идя лучшимъ путемъ, ведущимъ къ совершенству, путемъ смиренія и уничтоженія, разительный примѣръ которыхъ данъ въ лицѣ Самаго пострадавшаго Іисуса ⁶⁾). Любовь же ко Христу усыпляетъ въ христіанинѣ человѣческія вождѣлнія, чему примѣромъ служатъ христіанскіе мученики и подвижники ⁷⁾). Христіанинъ послѣ крещенія вступаетъ въ новую жизнь, совершеннѣйшую. Очищеніе Духомъ и водою, „вспомоществуя первому рожденію, изъ ветхихъ дѣлаетъ насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, богоподобными, разваряя безъ огня и возсозида безъ разрушенія. Ибо, кратко сказать, подъ силою Крещенія разумѣть должно завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты“ ⁸⁾). Какъ сыны Божіи и сонаслѣдники Христу, христіане составляютъ въ немъ единый союзъ *любви* ⁹⁾). Христось же, подобно магниту, привлекаетъ къ Себѣ всѣхъ и, „какъ человѣкъ (потому что еще съ тѣломъ, какое воспринялъ), и нынѣ молится о моемъ спасеніи, пока не содѣлаетъ меня богомъ“ ¹⁰⁾).

„Христіанская проповѣдь о спасеніи человѣка во Христѣ завершается ученіемъ о *будущей*, загробной жизни и объ имѣющемъ нѣкогда произойти полномъ возстановленіи союза людей съ Бо-

¹⁾ Ibid. III, 194, 205—7.

²⁾ III, 194.

³⁾ I, 5; II, 23.

⁴⁾ II, 100, 212.

⁵⁾ I, 103.

⁶⁾ IV, 143—7; III, 176, 7; VI, 95—6.

⁷⁾ V, 84—7.

⁸⁾ III, 228—9.

⁹⁾ VI, 77; I, 179; II, 4, 23.

¹⁰⁾ III, 75; IV, 221.

гомъ: конецъ нынѣшней міровой исторіи, по христіанскому ученію, будетъ началомъ вѣчнаго царства славы. Въ этомъ ученіи дается новое основаніе христіанской нравственности, — основаніе — *эсхатологическое*.

„Мы получили бытіе чтобы *благоденствовать*; и благоденствовали послѣ того, какъ получили бытіе. Намъ ввѣренъ былъ рай, чтобы насладиться“ ¹⁾. Свойство Бога — сообщать Своимъ тварямъ *блаженство* въ единеніи съ Собою ²⁾. Это же нужно сказать, въ частности, и о человѣкѣ. „Даръ наибольшій и наипаче свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ человѣколюбіи, есть наше къ нему стремленіе и сродство съ Нимъ. Что солнце для существъ чувственныхъ, то Богъ для духовныхъ: одно освѣщаетъ міръ видимый, Другій — невидимый; одно тѣлесные взоры дѣлаетъ солнцевидными, Другій — разумныя естества богоподобными“ ³⁾. Богъ представляетъ Собою послѣдній и высшій предметъ желаній; далѣе Его ничего нѣтъ ⁴⁾. „Мы, хотя узники земные, однако же постигаемъ къ разумному и небесному естеству“ ⁵⁾. Приближеніе людей къ Богу, обоженіе — и есть цѣль нашего бытія ⁶⁾. „Для людей одно только благо, и благо прочное, — это небесныя надежды“ ⁷⁾. Жизнь въ тѣлѣ есть *отхожденіе* отъ Господа, жизнь въ узахъ и оковахъ ⁸⁾. Впрочемъ, кто совершенствуется, преуспѣвая въ словѣ и дѣлѣ, тому возможно и въ здѣшней жизни вкушать „тамошнее“ блаженство: отблески небесной славы видимы и наземлѣ ⁹⁾. Потоки небесныхъ благъ и въ здѣшней жизни достигаютъ тѣхъ, кто искренно стремится къ послѣднимъ ¹⁰⁾. Земная жизнь начинается тлѣніемъ, продолжается чрезъ тлѣніе и оканчивается тлѣніемъ, тогда какъ смерть, „избавляющая насъ отъ здѣшнихъ бѣдствій и многихъ приводящая въ *жизнь юрнюю* не знаю“, говоритъ св. Григорій, „можетъ ли быть названа въ собственномъ смыслѣ смертію“ ¹¹⁾. Послѣдняя для истиннаго христіанина есть „переселеніе“ или вос-

1) IV, 147.

2) Тамъ же, 189.

3) II, 143.

4) Тамъ же 144.

5) IV, 192.

6) I, 144.

7) IV, 220.

8) I, 213.

9) IV, 52; I, 246.

10) I, 233.

11) II, 118.